

Annotation

Никогда и ни при каких обстоятельствах не заключайте договор с драконом! Иначе вы рискуете потерять свое сердце.

Но когда во мне начала просыпаться запретная магия, разве об этом я думала? Наверное, нет, иначе не оказалась бы в древнем замке, загадочный хозяин которого проклят уже много лет. Только как бояться его тьмы, если этот благородный и сильный мужчина постоянно защищает

мою жизнь и ошеломляет нежностью?

Значит, я просто шагну в объятия своего дракона и не дам ему сорваться в пропасть. Ведь когда любовь настоящая, проклятие – не самая сильная вещь на свете.

Ольга Сергеевна Шерстобитова

Пролог

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая

Глава пятнадцатая

Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая

Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая

Глава двадцатая

Эпилог

Ольга Сергеевна Шерстобитова

Договор с драконом не предлагать

© Шерстобитова О.С., 2021

Пролог

У самой обычной ночи существует множество оттенков. Еще вчера, когда я точно так же пробиралась по тихим коридорам на чердак, прислушиваясь к шалившим сквознякам и старательно высчитывая скрипучие половицы, ночь казалась пепельной. С месяц назад, едва небо затянуло первыми грозowymi тучами, она была цвета черного янтаря, непроглядной и величественной. Сегодня же мне удалось выбраться из общей спальни, где отдыхали другие ученицы Иларийской академии благородных девиц, лишь за три часа до рассвета. И апрельская ночь уже раскрасилась в синевато-черные тона.

Несмотря на то что времени оставалось немного, я не удержалась и скользнула к ближайшему окну. Слегка откинула занавеску, и хрустально-серебряный, невероятно чистый свет звезд упал на пол. Если у волшебства имеется цвет, то он непременно должен содержать в себе и этот удивительный оттенок, который так щедро расплескивается вокруг.

Отступила, прислушалась и, по-прежнему старательно огибая скрипучие половицы, ступая босыми ногами, дошла до конца коридора.

Ветер ударил в стекла, зазвенела апрельская ночь, наполнилась небывалым предвкушением: скоро я доберусь до цели, – и невольно захотелось улыбнуться. Уже завтра никто не сможет мне запретить жить так как хочется, не придется красться на чердак, словно воришке, и поэтому эта давно наступившая ночь – особенная.

По лестнице я поднялась без проблем, а вот по этажу шла осторожно, потому что именно здесь располагались комнаты преподавательниц. Слух у большинства из них чуткий, как у кошек. Дойдя до двери директрисы – илары Дартарины Верской, – встала на цыпочки и скользнула мышкой на лестницу. Теперь самое сложное: бесшумно открыть дверь на чердак. Но за двенадцать лет с этой задачей я научилась превосходно справляться.

Еще четыре ступеньки, и я опустила на слегка пыльный пол разношенные туфельки, надела их. Пробралась между остовами старой мебели, накрытой белыми простынями, скользнула мимо

сундуков и старого комода и дошла до небольшого круглого окошка, в которое ярко светила луна. Отсветы падали на старые вещи, рисовали причудливые узоры. У меня была припрятана свеча, но пользовалась я ею с большой осторожностью. Свет посреди ночи мог привлечь охрану или кого-то из учениц и наставниц, проживающих в соседнем крыле. Окна как раз располагались напротив чердачных.

Бережно поставила зажженную свечу в удачно выбранное место, присела и убрала две доски. Под ними пряталось все мое

богатство:

краски, кисти, бумага и папка с
рисунками.

Я уселась на старую подушку, удобно расположила кисти и краски, налила из кувшина воды в кружку и достала лист бумаги. Как бы мне хотелось передать волшебство этой звездной ночи, подобрать нужные оттенки...

Кисть заскользила по бумаге привычно и уверенно, и через мгновение я забыла о том, где нахожусь. Исчез неуютный чердак, наполненный пылью, выразительная чернота ночи, которую так хотелось подцепить кончиком кисти и перенести на лист, неудобная для творчества поза... Я самозабвенно смешивала краски, окуная в них раз

за разом кисть...

Иногда чудилось, будто с моих пальцев слетают искры, ложатся на рисунок, отчего краски начинают играть совсем иначе, но на то она и ночь, чтобы заставить верить в невозможное. Нет во мне магии, ни капли, иначе ее колебания давно засекали бы стражи. Я точно знала. Но волшебство можно творить иначе. Красками... Кистью, что дрожит в руках в свете единственной свечи на захлавленном чердаке. Сердцем, которое верит...

Я остановилась, поняв, что рисунок получился совсем неожиданным. Видимо, разговоры о завтрашнем бале в академии имели свои последствия и я замечталась. Иначе откуда на бумаге, где только что царила ночь с яркими звездами, появились глаза

выдуманного мужчины? В них жила сиреневая тьма, украденная у волшебной, несуществующей ночи. словно и не я рисовала, а кто-то незримый вел мою руку. Охнула, подавила смех и отложила рисунок. В любой другой раз я бы скомкала лист, потому что задуманное не удалось, но сейчас не могла. Слишком тревожили душу эти глаза, рожденные моей кистью.

Подождав, когда рисунок высохнет, убрала его в папку. Желание забрать кисть, краски и папку с рисунками прямо сейчас было велико, но я не стала этого делать. Рискованно... Даже слишком. Лучше поднимусь сюда во время бала, спокойно спрячу сверток в уже собранный саквояж. И тогда... никто и не узнает, что все эти двенадцать лет я тайком по ночам рисовала на чердаке. Никто не узнает, что во мне в любой момент могла проснуться опасная магия, однажды смертельно ранившая одну из дочерей императрицы. Никто не узнает, что я нарушила запрет.

Ученице Иларийской академии благородных девиц, за содержание и обучение которой платит императорская семья, нельзя рисовать. Впрочем, нельзя не только мне, но и жителям всей империи. Но разве получится

отказаться от своей мечты?
даже в качестве благодарности

Ответ на этот вопрос лежал в моей папке с рисунками.

Глава первая

Весь сегодняшний день в Иларийской академии благородных девиц царила невероятная суматоха. После обеда мы успели получить у директрисы дипломы об окончании, а также небольшое вознаграждение за успехи в учебе и рекомендации для поиска работы. Странно понимать, что привычная жизнь уже завтра утром закончится и начнется что-то новое, но я ждала этого с нетерпением.

Предвкушение праздника, веселый смех и шепотки наполнили коридоры

Иларийской академии благородных девиц сразу после завтрака и больше не исчезали. Чувства тоже имели свои краски – яркие и теплые, казалось, разлитые прямо в воздухе. Они состояли из нежных оттенков атласа, из которых сшиты наряды, темно-коричневых

– у саквояжей, приготовленных в дорогу, алых и сапфировых – у драгоценных камней. Мне безумно хотелось прямо сейчас взять в руки кисть и сохранить этот момент, оставить в своей памяти, как один из лучших.

Когда ты двенадцать лет не имеешь права покидать место учебы, разве что изредка посещать балы и спектакли в Императорском театре по приглашению либо самой правящей семьи, либо покровителей-аристократов, такое событие, как выпускной бал, никого не оставит равнодушным.

Платья для бала мы готовили заранее. Каждая сама выбирала ткань и отделку, а потом мы кроили, шили и украшали наряды. Для воспитанниц это была еще одна возможность показать приглашенным на

бал гостям свое мастерство.

Я выбрала нежно-розовый гладкий атлас, хотя большинство учениц предпочли голубой, белый или золотых оттенков, стремясь подчеркнуть

свою красоту.

Я понимала: скромность наряда покажет владелицу с лучшей стороны, сделает ее выгодной партией для любого мужчины, поэтому, несмотря на то, что в моде было обилие кружев и большое количество украшений, отказалась от этого. Почти год золотистой нитью вышивала сказочные розы на подоле и узком лифе, а короткие рукава сделала из кружева. На мой взгляд, получилось изящно и красиво.

Прислушиваясь к щебету и смеху подруг по учебе, надела наряд, расправила юбку. Расшитый корсаж и легкие рукава приятно подчеркнули плавные изгибы фигуры. Я не сдержалась и, пока никто

не видит, покружилась перед зеркалом.

С прической провозилась чуть больше. Долго собирала непослушные волосы, красиво их укладывая и закрепляя самыми обычными шпильками и невидимками. Другие ученицы выбрали заколки с драгоценными камнями и жемчужинами, но я не хотела быть обязанной покровителям еще больше, поэтому украсила волосы бутонами белой акации. Дерево расцвело сегодняшней ночью, и тонкий нежный аромат наполнил сад.

Когда оказалась рядом с акацией, с трудом удержалась, чтобы не принести краски и не сесть рисовать прямо на скамейке напротив. Было в этом зрелище особое очарование. Снег еще не совсем сошел, на тропинках в лужах отражалось небо с редкими облаками, а акация уже робко выпустила первые белоснежные бутоны, возвещая о царившей весне.

– Агата, ты идешь? – крикнула Любава, заставляя меня невольно оторвать

взгляд от зеркала, возле которого я стояла.

Сама она, одетая в пышное голубое платье, украшенное серебряной вышивкой, казалась невероятно хрупкой, изящной и абсолютно незнакомой. Впрочем, непривычно выглядели мы все, сменив форму воспитанниц академии благородных девиц на наряды.

Любава поправила брызги бриллиантов на шее, улыбнулась и, подхватив меня под руку, потянула к выходу из общей спальни, где ученицы готовились к балу.

Здание, где мы жили и учились, поражало величию и красотой. Стены цвета золотой дымки и белые мраморные колонны придавали особое очарование этому месту. Под потолком главным украшением служили затейливые барельефы. По широкой лестнице, сверкая драгоценностями, сейчас поднимались наряженные в платья с дорогими кружевами дамы и одетые в роскошные камзолы или фраки мужчины.

В скромном наряде я почувствовала себя немного неловко, но старательно и приветливо улыбалась, стоя наверху. Приглашенных внизу приветствовали преподавательницы и наставницы, одетые не

менее нарядно, чем мы. Сдается, им тоже хотелось повеселиться, но строгие

нормы этикета часто не позволяли этого.

С четверть часа мы наблюдали за приездом гостей. Любава внезапно охнула и смутилась. Я уже знала, что ее родители подписали договор о помолвке, но пока не видела Эрика Ханрийского, жениха подруги.

Знала только с ее слов, что он красив, богат и учтив.

Эрик частенько навещал Любаву вместе с родителями в специально отведенные для этого часы в академии. И пусть общались они в присутствии наставницы и родственников, как и полагалось приличной иларе, это не мешало их отношениям развиваться.

Сын герцога Ханрийского чуть склонил голову, приветствуя меня. Я присела в легком реверансе, и Любава представила нас друг другу. Жених подруги оказался светловолосым голубоглазым мужчиной. Стройным

и сильным. Уверенным в себе.

Я разглядывала его украдкой, обмениваясь любезностями, мысленно примеряла к нему краски. Блестяще-желтый и лазурный цвета...

Последний – ледяной, как и его взгляд. И желание запечатлеть лицо этого мужчины на холсте так и не родилось. Невольно вспомнились случайно нарисованные этой ночью глаза выдуманного незнакомца. В них и то таилось больше тепла. Но счастливая подруга не замечала холода, царившего в ее женихе. Может, оно и к лучшему. Выбора у нее нет, изменить решение родителей или хоть как-то на него повлиять

не получится.

Любава и Эрик поспешили дальше. Наверняка она хотела представить жениха и остальным подругам. Я же некоторое время понаблюдала

за гостями и вскоре

отправилась в бальный зал.

Золотая лепнина покрывала стены и частично – потолок. В многочисленных зеркалах отражались гости. Порадовавшись, что никто не обращает на меня внимания, поправила выбившийся из прически русский локон, посмотрела на ярко-зеленые, сияющие глаза, на алые губы, которые искусала, и решительно скользнула в глубь зала.

Илары кокетничали с кавалерами, временами слышался веселый смех,

оркестр настраивал музыкальные инструменты.

Особый бал... Так похожий на те, где мне уже приходилось бывать. И в то же время совсем иной. Полный не просто беззаботного веселья,

но предвкушения и ожиданий.

На выпускном балу не раз решались судьбы многих выпускниц. Кто-то становился фрейлиной императрицы, кто-то встречал будущего мужа или покровителя, а кто-то находил работу гувернантки. Я надеялась на последнее. Четко осознавала, что для дворцовой суеты не создана ни капли, да и отсутствие денег и связей никогда не позволит оказаться вблизи императорской семьи, какое бы образование я ни получила.

По той же причине мне не светило удачное замужество, а на роль любовницы я была не согласна. Все же воспитание, которое нам прививали, дало свои плоды. Никакими другими талантами, кроме дара к рисованию, который приходилось тщательно скрывать, я не обладала, поэтому выбор был невелик: найти место гувернантки, няни, учительницы... Хорошие рекомендации от членов императорской семьи, присутствующих на экзаменах, подарили мне небывалый шанс.

Сегодняшним вечером я просто хотела немного отдохнуть, насладиться сполна тем праздником, который создали для нас наставницы.

– Подарите мне первый танец, илара...

– Агата Таринс, – представилась я, оборачиваясь и улыбаясь незнакомому
молодому мужчине в кадетской форме.

– Диар Нартан, – чуть склонился он, рассматривая меня.

В этот момент заиграла музыка, и мы прошли в глубь зала. В залитом светом пространстве первый танец вызывает особое волшебство. Я буквально видела его цвет. Чуть золотистый, как у огней на богатых люстрах, с примесью того сияния, что дают бриллианты, надетые на илар.

Едва попав под власть этой танцевальной магии, я доверилась своему кавалеру, который начал развлекать меня беседой и уверенно кружил
по залу.

На второй танец меня пригласил его друг – бравый кареглазый брюнет. Краем глаза заметила, как мимо буквально пролетает Алиса – прелестная шатенка с ярко-синими глазами, любимица директрисы. Она счастливо смеется, отвечая незнакомому илару, и за несколько минут танца буквально влюбляет его в себя. Мелькнули где-то рядом и другие воспитанницы в невероятно красивых платьях, а затем неожиданно появился император, и вальс моментально стих. Очарование танца разрушилось.

Глубокий реверанс – и я поднимаю глаза, и выпрямляюсь. Мир начинает расплываться, превращаться в мазки на холсте, а кончики пальцев
покалывает.

Император Ренар Иларийский, которого я видела впервые, приветливо улыбнулся и галантно поцеловал руку нашей директрисе. Высокий стройный мужчина в самом расцвете сил. Черные волосы до плеч заплетены в сложную косу, отчего черты его лица выделяются четко и немного резко. Глаза – ясные, пронзительные, с неповторимым блеском.

От императора веяло величием и силой. Часть приглашенных дам

охнула

и едва не упала в обморок от

счастья.

Любава подмигнула мне, и я невольно улыбнулась, вспоминая, что почти у всех воспитанниц хранится портрет императора, которого они обожают

и боготворят, хоть ни разу и

не видели.

Императрица по каким-то причинам на бал не приехала.

Ренар Иларийский пригласил на танец директрису. Илара Верская в тяжелом бархатном платье, единственным украшением которого был белоснежный, расшитый золотой нитью, кружевной воротничок, зарделась и согласилась. Вечерний макияж умело подчеркнул ее миндалевидные карие глаза в росчерках длинных ресниц, сделал красавицей. Черные волосы были собраны в аккуратную прическу.

Я почти не видела их танца, чувствуя, как мир расплывается, а окружающее пространство начинает напоминать холст, который хочется разрисовать. Решив, что это от волнения, покинула бальный зал и, набросив плащ, вышла подышать в сад, направляясь к дальней аллее.

Отсюда город, залитый огнями, казался дивным полотном. У него было столько оттенков и красок! Немного полюбовавшись им, вернулась на бал, где еще чуточку потанцевала, и почувствовала, что больше не могу ждать. Хотелось прямо сейчас забраться на чердак и если не порисовать, то хотя бы забрать папку с рисунками и надежно спрятать

в собранных вещах.

Коридоры в этот час были пусты и тихи, и я поймала себя на мысли, что впервые в ночное время суток не крадусь по ним, прислушиваясь к скрипучим половицам. Завернув кисти и краски в сверток и прихватив папку с рисунками, почти дошла до общей спальни, когда из-за угла появился граф Амдарский.

– Вот вы где, илара Таринс. Я искал вас, чтобы поговорить, – заявил он, никак не поприветствовав меня.

И ведь знает, что если кто-то сейчас покажется в коридоре и увидит нас наедине, моей репутации конец. Нравы в нашей империи те еще... суровы и безжалостны.

– Давайте вернемся в зал, – мягко предложила я, направляясь мимо

него.

С графом Амдарским я познакомилась на одном из балов, и он не раз давал мне понять – пока лишь намеками, – что не прочь познакомиться поближе. Я делала вид, что не понимаю, о чем он,

каждый раз переводя разговор на другую тему. В последние два выезда всевозможными способами избегала его общества. И ведь не смущает графа,

что жена ждет третьего

ребенка. По-прежнему волочится за дамами.

Уйти он мне не дал. Внезапно схватил за руку, притиснул к стене. Я выронила папку и сверток, попыталась вырваться из крепкого захвата.

– Все равно моей будешь. И если не захочешь по-хорошему...

– Отпустите! – выпалила я, старательно пытаюсь не удариться в панику и не допустить того, чтобы на мои крики сюда кто-то зашел.

Граф предвкушающе улыбнулся, понимая, что звать на помощь я не собираюсь. Окинув меня неприятным масляным взглядом, от которого в сердце застыл ужас, мужчина дернул мою юбку, задирая ее.

Мир перед глазами стал расплываться, снова напоминать холст без красок, и я все же громко вскрикнула и попыталась ударить графа коленом. Мне все еще не верилось в происходящее, в то, что подобное возможно в Иларийской академии благородных девиц, прямо в коридоре и со мной... И ведь даже если позову на помощь и кто-то услышит, все равно не поверят моим словам! Кто он и кто я? Влиятельный

граф и сирота? Смешно же,

честное слово.

– Нет! – сказала как можно тверже, стараясь не показать своего страха.

Но граф не слушал. Он торопливо расстегивал штаны, одной рукой удерживая мои руки, а телом крепко прижимая к стене.

Я вывернулась, ударила мужчину, но снова оказалась в его руках. Укусила ладонь, которой граф Амдарский зажал мой рот, и в этот момент почувствовала, как кто-то буквально отшвырнул его от меня.

Вдохнула свободнее, споткнулась и потеряла равновесие. Упала неудачно, ударилась головой. Послышалась ругань графа, следом я услышала незнакомый мужской голос:

– Илара сказала «нет», господин Амдарский. И чтобы эта история не имела огласки, настоятельно рекомендую вам извиниться перед иларой

и спешно покинуть бал.

– Огласки? – слышался возмущенный возглас графа. – Да она сама

соблазнила меня и заманила в коридор.

Ну точно, все, как я и предполагала!

Поднялась, оправляя платье и прическу, потирая ушиб на затылке. Обойдется или придется обращаться к лекарю и выдумывать причину, почему на голове шишка? Хорошо хоть, платье никак не пострадало, разве что слегка помялось.

– Поверьте, я подтверждаю, что на илару напали, и легко вы не отделаетесь, – сказал незнакомый илар, в голосе которого слышалась небывалая властность.

И я наконец осмелилась поднять на него глаза. Стройный мужчина лет пятидесяти, больше я бы ему не дала. Пронзительные черные глаза, острый подбородок с аккуратной бородкой, смоляные волосы с легкой проседью.. Ему бы еще ворона на плечо, и точно стал бы похож на таинственного колдуна из детской сказки.

Я отмахнулась, пытаюсь стряхнуть желание взяться за кисть и нарисовать его портрет. Несмотря на ситуацию, снова начали зудеть кончики пальцев.

– Да кто ты такой... – начал граф Амдарский, и мужчина, пристально рассматривавший меня, обернулся к нему.

Граф вдруг побледнел, попятился, хотя мой неожиданный спаситель
просто на него смотрел.

– Ни слова о произошедшем. Не смей приближаться к иларе и причинять ей вред, иначе последствия не заставят себя ждать. Ясно?

– Д-да, – слегка заикаясь, отозвался граф и затравленно посмотрел на
меня.

– Извинитесь перед иларой.

Граф пробурчал нужные слова, развернулся и быстрым шагом скрылся
за поворотом.

– Вы не пострадали? Позвольте посмотреть ушиб? –
поинтересовался незнакомец.

Я нервно дернулась, но потом расправила плечи и кивнула. Опасность, исходившая от незнакомца, буквально витала в воздухе. И единственное, чего мне хотелось, – сбежать без оглядки и забыть о случившемся. Но как ни поверни, он спас и меня, и мою репутацию. Я боялась и представить, чем все могло закончиться.

Незнакомец бережно отодвинул пряди, и почти сразу же на месте ушиба я почувствовала покалывание и тепло. Он маг? Ужас иглой прошил позвоночник и сковал все тело. И когда он щелкнул пальцами,

очевидно, накладывая полог, не позволяющий нас ни увидеть, ни услышать, ощущение, что эта встреча грозит мне неприятностями, усилилось.

Я убедилась в этом, едва мужчина отошел, явно из любезности поднял мой сверток и папку. Та раскрылась, и из нее выскользнуло несколько листов с рисунками. Я так и замерла, ощущая, что мир вокруг рушится.

После того как от рук мага-художницы погибла старшая дочь в императорской семье, рисование в империи оказалось под запретом. Если кто-то брал в руки кисть и краски, прикасался к холсту и пробуждал магию, стражи засекали колебания фона, и выбор у будущего художника был невелик. Либо отказаться от дара, запечатать его и медленно умирать, потому что отнять магию – все равно что отнять жизнь, либо отправиться в Иларийскую академию магии и учиться, а затем принести присягу императору и верно служить ему до самой смерти.

У меня не было магии. Но был шанс, что однажды она проснется. А если учесть, что рисовать можно только под надзором, я нарушила закон. И незнакомец, пристально рассматривая те несколько рисунков, что выпали из папки, об этом знал.

Я испугалась. Страх мешался с каким-то непонятным ощущением поворотного момента в моей судьбе, щекотал кончики пальцев, заставлял бешено биться сердце.

Когда незнакомец перевернул очередной лист, то едва заметно вздрогнул. На какой рисунок он смотрит?

Любопытство победило: я чуть придвинулась, заглянула. Звездная ночь, посреди которой плещутся сиреневой тьмой глаза выдуманного мужчины.

– Илара, вы автор этих рисунков? – наконец спросил незнакомец.

В голосе его чувствовалась непонятная, потому абсолютно пугающая

меня радость.

Солгать? Сказать, что сверток принадлежит не мне? Он тут так... случайно оказался, кем-то забытый... Ну очень логично и правдиво, что тут скажешь. Если поверит, первая удивлюсь.

Мужчина поднял глаза и уставился в мои, не давая возможности сбежать от ответа.

– Я всего лишь рисую... Во мне нет никакого другого дара, – сказала тихо, заставляя себя не дрожать.

Ведь захочет он – и сдаст меня стражам, от которых не укрыться.

– Дитя, любой художник нашей империи рождается с магическим даром. Фантазия, – он кивком показал на мой рисунок, – уже таит в себе невиданное волшебство. Вопрос в том, когда магия в вас проснется...

Я так и замерла, даже дышать постаралась потише.

– Разве так бывает, чтобы прямо каждый художник – маг?

– В нашей империи – да, – отозвался незнакомец, отрываясь от рисунков и снова смотря на меня. – Вы, видимо, не знаете, илара, но таков был дар последних фей, покинувших наш мир тысячи лет назад. Подразумеваю, в академии благородных девиц не так глубоко преподают историю.

Я прикусила губу и покраснела. Как ни посмотри, а он прав. Мы досконально изучали ведение хозяйства, танцы, этикет, музыку, а таким дисциплинам, как история, математика, физика, химия и литература, уделялось гораздо меньше времени. Да и зачем женщине, главная цель которой – удачно выйти замуж, они нужны? Провалы в знаниях успешно замещались учтивыми манерами, благодаря которым в нашей академии благородных девиц прощалось очень многое.

– И что вы теперь намерены делать? – тихо спросила я, замирая и стараясь достойно, как и полагается воспитанной иларе, выдержать удар судьбы.

– Опасаетесь, что сдам вас стражам?

Да как сказать... Если он этого не сделает, то тоже нарушит закон.

– А этого нет в ваших планах, илар...

– Альфред Храмс, – представился он.

– Агата Таринс, – отозвалась я.

– Любой другой на моем месте так бы и поступил, илара Таринс.

Вызвал стражей или стал бы вас шантажировать.

Я невольно вздрогнула, вспомнив, что совсем недавно здесь находился граф Амдарский. Вот кто точно не растерялся бы и воспользовался ситуацией. Хорошо, что папка не попала в его руки, а ведь

могла...

– Но вы не станете этого делать, – поняла я.

– Совершенно верно.

– Почему? – ожидаемо сорвался с моих губ вопрос.

– Мне очень сильно нужна ваша помощь.
Я удивленно приподняла брови.

– Ваши рисунки... они живые, настоящие, наполненные незримым волшебством. Может, вы его не чувствуете, а для меня подобная магия очевидна. Я хочу предложить вам работу, илара Таринс, за которую хорошо заплачу.

Судя по всему, не особо законную, а может, даже...

– Ничего неприличного, не волнуйтесь на этот счет, – будто прочитал
мои мысли илар Храмс.

Да неужели? И все же упускать так удачно выпавший шанс не хотелось.

– У меня не так много времени, увы. Если уж вы не поможете, никто
не сможет...

– Эм...

Я озадачилась еще больше. Даже бояться этого странного незнакомца
перестала.

– Простите, я говорю весьма путано и непонятно. Мой друг – сильный маг – несколько лет назад попал под проклятие. Он стал достаточно мрачен и нелюдим. Проклятие тянет из него силы, забирает из души малейшую радость... И я подумал, что альбомы рисунков позволят ему снова почувствовать вкус жизни.

Какое странное решение!

– Но почему именно этот способ вы выбрали, чтобы помочь?

Неужели нет других?

Мужчина думал долго, рассматривая меня и, видно, подбирал правильные
слова для объяснения.

– Иногда рисуя картину и с чистым сердцем отдавая ее кому-то, можно
изменить чью-то жизнь. Во времена, когда магия встречалась не

так редко, как сегодня, и еще существовали драконы, подобный способ годился даже для того, чтобы снять проклятие, – ответил он, склонив набок голову.

Подобное, конечно, выдумки, но... этот незнакомец так отчаянно

в них верит, что, если бы не мудрость, таящаяся в глубине глаз, сочла бы

за безумца.

Но и в том состоянии, в котором я садилась за холст, для меня крылось самое настоящее волшебство. Краски сияли, манили, преображали не бумагу, а мир вокруг. И меняли меня. Каждый раз. По чуть-чуть. Так что да, я ему поверила.

– То есть вам нужна художница? – поняла я, выныривая из своих мыслей.

– Именно. И желательно та, в ком не проснулась магия и которая не

попала под надзор стражей.

Я вздохнула, прикусила губу.

– Вы сами заметили, однажды мой дар может раскрыть новую грань. И малейшие колебания...

– Я гарантирую вам защиту от стражей. Они не почувствуют вашу магию, когда она появится, даже если будут находиться в паре шагов от вас.

И вот тут я по-настоящему испугалась, понимая, что впутываюсь в нечто опасное, сомнительное и явно нехорошее. Желание рисовать свободно и не бояться за свою жизнь было так велико, что хотелось согласиться,

но... я не могла.

– Я...

– Условия работы следующие, – словно не заметив моего состояния, деловито продолжил мужчина. – Вы будете определенное время проживать в доме моего друга на полном обеспечении и не покинете его, пока не создадите альбомы с рисунками. Их количество мы обговаривать не станем, я оставлю на ваше усмотрение, так же, как и содержание ваших работ. Можете дать волю фантазии, у вас это неплохо получается.

Я вспыхнула, с трудом удерживаясь от комментариев. Не рассказывать же илару Храмсу, что я просто вижу мир в определенных красках и выдумки там немного. И да, в папке есть и другие работы, где найдется место лишь творчеству, но не фантазии, и они не менее живые и красивые!

– В том месте, где живет мой друг, прекрасные виды, они обязательно вдохновят вас. Вам всего-то и нужно пробыть у него, пока не зацветет маральник. Впрочем, он больше известен под другим названием:

лиловый вереск.

Он говорил мягко, неспешно, будто вопрос уже решен. А я не готова была согласиться, понимая, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке.

– Кроме того, вам предоставят для работы не просто все необходимое, а лучшее. Я обещаю: вашей чести, здоровью, жизни ничего не будет угрожать.

– Я...

– Подумайте, илара, – не дал отказаться илар Храмс. – Сделка честная, будет подписан и заключен договор о найме на работу по всем правилам.

Я промолчала, старательно подбирая слова, чтобы сказать решительное «нет». И пусть хоть стражам сдает... Там хоть есть шанс выжить, даже если посадят в клетку. Вопрос в том, нужна ли мне такая жизнь? Как же все сложно! Но согласиться на подобную авантюру, рискнуть...

Альфред вздохнул, точно заметив и почувствовав все эмоции, которые я так хотела скрыть, сжал кулаки и тихо сказал:

– Илара Таринс, я в отчаянии. Помогите мне, пожалуйста.

В глазах мужчины мелькнуло что-то такое, отчего захотелось вздрогнуть,

а потом пойти, завернуться

в плед и попытаться согреться.

Он просил... Просил, а не прибегал к шантажу, хотя запросто мог!

И почему-то от этого внутри поднимался ком горечи.

– Я думала найти работу...

– Неужели с таким талантом вы мечтаете о месте гувернантки?

Мы ведь оба знаем, что это не так, – оборвал илар Храмс.

Какое-то время мы молчали, пока он снова не заговорил:

– Я пробуду здесь еще две недели. Может быть, вы решитесь, илара Таринс.

Покачала головой. Да, я не в том положении, чтобы отказываться, но

и перебороть страх и согласиться не могу.

Он осторожно вложил в мою ладонь визитку с адресом и исчез за углом коридора. А я не посмела остановить и сказать, что

единственное мое сокровище – папка с рисунками – осталось в его руках.

Глава вторая

– Если вы не готовы внести плату за жилье, то должны покинуть его! – заявила хозяйка дома, где я снимала небольшую комнату под самой
крышей.

Я как раз развязала шляпку, сняла ее и растерянно уставилась на илару Розалинду Лорнс. Денег у меня, конечно, не было. Сегодня минуло две недели с момента, как я покинула Иларийскую академию благородных
девиц, выданное вознаграждение, как его ни экономь, закончилось, а работу найти не удалось. Граф Амдарский постарался, что тут сказать. Было бы глупо предположить, что он не станет мстить. И нашел же кому!

Сегодня утром мне пришлось заложить простенький серебряный браслет, подарок Любавы, чтобы хоть как-то продержаться несколько дней. Сейчас я смотрела на небольшой пакет, из которого торчала булка
хлеба.

– Леди Розалинда, я обязательно рассчитаюсь с вами в ближайшее время,
не волнуйтесь, – устало заметила я.

Пока я добралась сегодня до особняка на другом конце города, последнего варианта, где могла найти работу гувернантки, пока возвращалась, пока зашла в ломбард, а потом в лавочку... день стал клониться к вечеру, а утешительных новостей не было.

– Или вы платите сегодня, или собираете вещи и к ночи я вселяю нового
жильца.

– Но...

– А будете и дальше настаивать на своем, вызову стражей! – заявила она, оперев руки в боки.

Признаться, я настолько растерялась, что так и стояла, когда за хозяйкой закрылась дверь. Затем села на продавленную софу, посмотрела на стол, где лежал сверток с красками и кистями. Я так переживала эти дни, что не рисовала, а сейчас и вовсе не знала, что делать. Пары оставшихся монет в моем кошельке не хватит, чтобы заплатить хотя бы за ночь.

Обратиться за помощью тоже было не к кому. Любава с

родителями и женихом уехала на море на целое лето, в конце которого

состоится ее свадьба, а родных у меня не осталось. Третьродный брат отца, взявший меня на воспитание, когда умерли родители, и отправивший в Иларийскую академию благородных девиц, едва мне миновало шесть, ни разу за все эти годы не ответил на мои письма. Видимо, избавился от долга и благополучно забыл про меня.

Похоже, выбора не осталось. Придется принять предложение илара

Храмса. Терять-то все равно уже нечего.

Поднялась, разыскивая визитку. Тут же вспомнила, что он планировал задержаться в городе лишь на две недели, и встревожилась. Только бы не уехал!

Я спешно надела шляпку и перчатки, выскользнула за дверь. До центра города было полчаса пешком, и я шла быстро, не особо смотря по сторонам. Выдохнула только у нужной гостиницы. У самого входа к карете привязывали три больших дорожных сундука, лакеи о чем-то торопливо переговаривались, нервно оглядываясь по сторонам и однозначно

не радуясь наползающим сумеркам.

Илар Храмс появился в тот момент, когда я собралась зайти внутрь.

– Илара Таринс? – тут же заметил он меня, отвешивая легкий поклон

в знак уважения.

– Добрый вечер, – поздоровалась я, отвечая тем же. – Я обдумала ваше предложение. Если оно в силе и вы готовы заключить договор, то...

– Согласны? Чудесно!

Илар обворожительно улыбнулся, но в уголках его глаз пряталась усталость.

– Тогда предлагаю не откладывать это дело. Через дорогу живет поверенный

моего друга, у него лежит готовый для нас договор.

Значит, илар Храмс все же надеялся на положительный ответ? В какой-то момент мелькнула мысль, уж не он ли постарался, чтобы я не нашла работу, но тут же исчезла. Сдается, папка с рисунками, которая до сих пор была у Альфреда Храмса, была для меня более внушительным аргументом.

– Чтобы не возникло никаких сомнений ни у вас, ни у нас,

договор будет магическим. Не возражаете?

– Нет.

Я точно знала, что тогда нарушить условия не получится, но с другой стороны, если они меня устраивают, зачем это делать?

Поверенным оказался сухонький старичок, который вежливо усадил нас с иларом Храмсом в своем кабинете, велел служанке принести чай, а сам вытащил два экземпляра договора. Я читала внимательно, вдумчиво, опасаясь подвоха. Если бы у меня было время и возможность, я бы все же заглянула к одной своей знакомой, разбирающейся в подобных делах, посоветовалась, но обстоятельства сложились иначе.

На бумаге все было прописано точно так, как пообещал илар Храмс. Мне гарантировали, что, как только я прибуду на место, дадут амулет, способный скрыть дар к магии и ее саму, когда проснется, а также обеспечат всем необходимым. Сумма за оказанную услугу стояла внушительная, и получить я ее могла хоть сейчас.

На миг прикрыв глаза и поглубже вдохнув, я поставила свою подпись и скрепила ее каплей крови. Точно так же поступил и Альфред Храмс.

После подписания договора я получила положенное вознаграждение.

– Сколько вам понадобится времени, чтобы собраться?

Признаться, меня очень ждут...

Я мысленно прикинула, что необходимо заглянуть в банк, который, на мое счастье, работал до полуночи, а затем добраться до дома и собрать вещи.

– Два часа точно, может, чуть больше.

Илар

Храмс кивнул и

коротко ответил:

– Жду в гостинице. Если нужна помощь в сборах или...

– Спасибо, справлюсь, – ответила я, поднимаясь.

Большую часть из отведенного времени мне пришлось провести в банке. Пока я открывала счет и клала на него деньги, простояв в очереди, на сборы осталось меньше часа.

Наняв экипаж, добралась до дома илары Лорнс, которая в ожидании меня уже стояла возле дверей. Заверив ее, что в ближайший час освобожу комнату, исчезла внутри. Уложила в саквояж немногочисленные вещи, поглубже вдохнула и решительно отправилась вниз.

Забравшись в карету, поправила шляпку и расправила плащ. Заодно порадовалась, что мое платье сшито из неброской темной ткани, вполне подойдет для путешествия. От волнения захотелось есть, и я достала припасенную булочку. И пока ела ее, разглядывала проплывающие за окнами экипажа освещенные фонарями улицы. По вымощенным камнем мостовым полз молочный туман, кутал дома, почти наполовину скрывая их. Ночь меняла все вокруг, и город сейчас казался почти призрачным, несуществующим.

Вскоре карета остановилась, и кучер илара Храмса помог перенести мои вещи и расположить их прямо под сиденьем. Я тем временем

расплатилась за наемный экипаж и забралась внутрь.

– Дорога до Шанрассхолла занимает обычно неделю пути, илара Таринс, – пояснил Альфред Храмс, едва карета тронулась.

И я вдруг осознала, что нарушила все правила приличий, отправившись в путешествие без компаньонки. Для благовоспитанной илары подобное поведение недопустимо, но все повернулось так неожиданно, что я...

– Несколько раз мы остановимся в гостиницах, которые попадутся в

пути, отдохнем, – тем временем продолжил илар Храмс, не подозревая о моих мыслях. – Эту же ночь придется провести в карете. Надеюсь, вас не смутит мое общество.

Оно не смущало до этого, а сейчас... Остается надеяться, что илар Храмс будет вести себя достойно и никто никогда не узнает о моем путешествии без компаньонки. Общество безжалостно к тем, кто не заботится

о своей репутации.

К моему стыду, признаться, на данный момент меня больше волновал

совсем другой вопрос.

– Вы вернете мою папку с рисунками? – не утерпела я.

– Завтра, – ответил он, прикрывая глаза и под мерное покачивание кареты

начиная дремать.

Я же, отодвинув занавеску, смотрела в окно и прощалась с городом, где прожила всю жизнь. Мне не так часто удавалось его увидеть, все же в Иларийской академии благородных девиц не разрешалось покидать ее территорию. И да, не успела полюбить и проникнуться его атмосферой, лишь полюбоваться из окон кареты, возившей меня на редкие балы и спектакли. Но за две недели, пока искала работу, я побывала в самых удаленных районах, поэтому знала,

что вполне могла бы в нем жить. Вопрос в том, захочу ли я сюда вернуться?

Сиреневый вереск цветет в начале мая, а значит, год я точно пробуду в другом месте. В Шанрассхолле. Я о таком, признаться, и не слышала. Илар Храмс, когда подписывали договор, лишь упомянул, что место, куда мы отправимся, находится в горах.

Когда карета покинула город и свернула на западный тракт, я сняла перчатки, шляпку и плащ и прикрыла глаза. Путь предстоял дальний.

* * *

Первые сутки пути тянулись медленно и мучительно. Мне, непривыкшей к безделью – все же в Иларийской академии благородных девиц каждая минута оказывалась расписана, – абсолютно нечем было себя занять. Альфред Храмс почти все время дремал, лишь изредка заводя со мной разговор. И все, что мне оставалось, – это смотреть в окна кареты на проплывающие пейзажи.

Я путешествовала второй раз в своей жизни, было любопытно и интересно все новое. К ночи мы остановились в небольшой придорожной гостинице, и я наконец смогла забрать у илара Храмса свою папку с рисунками.

Илар выглядел бледным и уставшим, и я подумала, что ему тоже не помешает отдых после дороги. Пока приводила себя в порядок в комнате наверху и ужинала, с трудом сдерживала зевок, а ночью крепко уснула.

На второй день мы покинули гостиницу с рассветом. Солнце, выглянувшее из-за туч, раскрасило его в сочные краски, и кончики пальцев стало покалывать – так хотелось взяться за кисть. Понимая, что в карете это невозможно, достала листы бумаги и карандаши, принимаясь за наброски. И с этих минут пропала. Следующие дни жадно впитывала новые впечатления и эмоции, по возможности перенося их на бумагу. Лиственные леса и равнины скоро сменились холмами, а на пятый день пути дорога начала виться между гор, и оторвать восхищенную меня от окна кареты уже не представлялось возможным.

Илар Храмс с каждым днем выглядел все хуже. Бледный и усталый, на все мои весьма деликатные вопросы он отмахивался, а лекаря вызывать отказывался. Я не могла настаивать, но искренне за него переживала.

* * *

На седьмые сутки мы остановились в очередной придорожной гостинице пообедать и сменить лошадей. Едва дойдя до входа, илар

Храмс пошатнулся.

– Вам плохо? – всполошилась я. – Давайте вызовем лекаря? Я уверена, даже здесь найдется хоть кто-то, кто сможет помочь!

– Не стоит, илара Таринс. Несколько минут назад я получил послание, которое невозможно игнорировать. Боюсь, я вынужден покинуть вас раньше, чем мне этого хотелось бы.

Я растерялась и посмотрела на бледного илара Храмса. Расспросить подробнее, что за беда случилась, не позволяло воспитание. Но как отпустить его в дорогу в таком состоянии? Попыталась еще раз поговорить с ним об этом, но Альфред оказался упрям и не согласился на помощь.

– Не беспокойтесь, – попытался он унять мою тревогу. – Я справлюсь, ничего со мной уже не случится... К полуночи вы доберетесь до Шанрассхолла. Вас встретит Ричард Шанрасс, мой друг. Не торопитесь, пообедайте спокойно, а потом отправляйтесь в путь. Я же поспешу. Удачи вам, Агата!

– До встречи, – растерянно отозвалась я. Он поднялся, неожиданно обернулся.

– Агата, вы же помните об условиях договора?

– Конечно! – поразила я вопросу.

– Пока не зацветет лиловый вереск, вы не покинете Шанрассхолл.

Чуть удивленно приподняла брови. Мне чудится или тон у мужчины извиняющийся?

Тем временем Альфред Храмс накинул плащ и, не прощаясь, направился к выходу. Нет, до чего же странная личность!

Едва он скрылся в проеме двери, как за окнами гостиницы, где я находилась, раздался шум дождя. Он хлынул потоком, словно скрывал

что-то происходящее от всех живых людей. Вдали мелькали молнии, слышались громовые раскаты. Как же непредсказуемо в этих местах портится погода! Ведь еще утром по небу плыли лишь белые облака!

Вздохнув, приступила к обеду. Признаться, неделя пути вымотала меня, тело ныло от долгого сидения, да и дорога не всегда была хорошей. Временами карета подпрыгивала, но я терпеливо сносила все тяготы, понимая, что однажды окажусь на месте.

Пока я ела похлебку и пила чай с пирожками с капустой, непогода только усилилась. Мне даже чудилось, что там, за пеленой дождя, кто-то рычит...

До кареты добиралась бегом, потому что зонт не спасал от

сплошного потопа, который хлынул с небес. У погоды был графитовый цвет с примесью сизого. Я привыкла все мерить оттенками, но никогда не видела ничего подобного.

Небо же потемнело так, словно на дворе была ночь. Лошади тихо ржали, когда мы тронулись в путь, продвигаться пришлось медленно. Вскоре дождь пусть и не прекратился, но стал стихать, и небо порадовало не антрацитовыми красками, а просто серыми.

Я впервые за эти дни осталась одна, хотя к подобному мне было не привыкать. В какой-то момент, прислушиваясь к непогоде за стенами кареты, уснула. Очнувшись ближе к вечеру, перекусила захваченными из гостиницы пирожками, так как остановок больше не планировалось. А так хотелось выйти и размять ноги! Надеюсь, ехать осталось не больше двух-трех часов. Альфред обещал, что к полуночи я буду на месте.

Дождь давно стих. Я выглянула в окно и от ужаса не смогла даже вскрикнуть. Карета буквально неслась по узкой дороге. С одной стороны к ней прижимались горы, а с другой чернела пропасть. Там, вдали, в непроглядной ночи, невозможно было разглядеть хоть какие-то очертания.

Я задернула шторку и попыталась унять бешено колотящееся сердце и дрожащие руки. Не получилось. Ехать в темноте оказалось страшнее, поэтому снова выглянула наружу. Да так и смотрела в оцепенении на обрыв, пока он длился. Выдохнула, только когда он исчез

и вдали показалась долина

с рассыпавшимися бусинами огней.

Вскоре между туч выглянула луна и ярко осветила горы – молчаливые стражи-великаны, наверняка хранившие не одну тайну.

Дорога петляла. Я почувствовала, что она начала спускаться. Опасность почти миновала, но, как ни странно, эмоции, вспыхнувшие после увиденного, будили во мне вдохновение. Эх... сейчас бы краски и кисть... Разве сохранишь в памяти то, что видишь так ярко и остро, пусть ты и художник? Малейшие блики, блеск звезд, выглядывающих из-за рваных туч, сияние луны, покрывавшее горы... И главное – то ощущение, у которого нет названия, когда ты оказываешься на краю пропасти.

Чувства рисовать всегда сложнее.

Через четверть часа погода снова изменилась. Тучи скрыли и луну, и звезды, погрузив мир во тьму. Почти сразу же небеса разрезали, словно острые кинжалы, серебряные молнии. И у мира не осталось других оттенков, кроме этих двух. А спустя несколько минут в который раз за последние дни хлынул дождь. В какой-то момент, выглянув из окна, в свете мелькнувшей молнии я увидела замок. Призрачный, словно сотканный из дождя. Наверняка он мне почудился. И остроконечные крыши, и надежные каменные стены, и даже легкое фиолетовое свечение вокруг него.

В своей догадке я убедилась, когда замок растаял во тьме, а карета прибавила ходу. Через час она остановилась, кучер спрыгнул с облучка и открыл дверь, помогая мне выбраться.

Я поправила шляпку, бросила взгляд вперед, споткнулась и чуть не упала в грязь. Нет, замок мне тогда не почудился. Вот же он... Шанрассхолл. Мрачный, нелюдимый, сплетенный из самых разных оттенков тьмы. Острые шпили напоминают ведьминские шляпы. Стены увиты какими-то растениями с колючками длиной с мою ладонь, не меньше. Темные провалы окон. Ярко-желтые огни горели только в одном месте. У входа, где я стояла. И, судя по всему, он вел на кухню.

Кучер уже куда-то ушел, а я дернула ручку двери и вошла внутрь. Миловидная пухлая женщина средних лет в темно-синем платье и белоснежном переднике, сверкая медового цвета глазами, удивленно уставилась на меня. Мужчина ее возраста, чинивший неподалеку от зажженного камина табуретку, отложил свое занятие и поднялся.

– Добрый вечер, илара. Хозяин Шанрассхолла не принимает гостей,

поэтому...

– Я не совсем гостя, – ответила я. – Меня нанял илар Храмс. Я... художница.

Скрыть от них, что рисую, все равно ведь не получится.

Незнакомка вытаращила глаза, осенила себя знаком богини-матери,

побледнела, да так и замерла.

– Вы...

– Мелисса Линс, экономка замка, – выдохнула она. – Обращайтесь ко

мне просто по имени, илара...

– Агата Таринс, – представилась я. – Можете сообщить о моем приезде хозяину замка?

Она чуть нахмурилась, но вскоре, поборов сомнения, кивнула. Тут же вспомнила, что я стою на пороге, провела внутрь, усадила возле огня и налила чашечку ароматного чая, сетуя, что я устала с дороги и наверняка

продрогла.

Я с трудом спрятала улыбку от ее неожиданной заботы, поглядывая на окна. Непогода и не думала прекращаться.

На кухне было тепло и уютно. Крепко сложенный мужчина, чинивший табуретку, оказался Георгом, мужем Мелиссы. Нелюдимым,

не особо разговорчивым. Экономка тут же отправила его за моими вещами, а сама исчезла, оставив меня одну возле огня.

Прошло почти полчаса, прежде чем они вернулись. Георг был бледен настолько, что губы казались тонкой ниткой. Мелисса захлопотала вокруг мужа, а я покосилась на мой саквояж и три больших дорожных сундука илара Храмса, которые здесь оказались. Неужели забыл? Но хозяин замка наверняка найдет возможность вернуть ему вещи.

– А где кучер? – поинтересовалась, заметив, что тот так и не появился.

– Занимается лошадьми, а потом пойдет отдыхать, – ответила Мелисса.

– А хозяин замка, он...

Мелисса вздрогнула, но не успела ответить. Дверь, ведущая в дом, распахнулась, и в проеме оказался мужчина.

Глаза – сиреневая тьма... Яркие, пронзительные... Сверкнули звездами, замерли на мне. Волосы, распущенные по плечам, – ночь непроглядная, хотя тоже отдают лавандовыми всполохами. Сдается, он и пахнет ими. Свободой, что навевает ветер, носящийся по долинам, чуточку

грозой и... моей мечтой.

И все бы хорошо, если бы не эти глаза. Я точно знала, где их видела. На моем рисунке. Том самом, сделанном в последнюю ночь на чердаке академии. Но разве так бывает? Случаются ли подобные совпадения?

Я, наверное, сошла с ума.

Отделаться от этих мыслей, пока рассматривала высокие скулы и упрямый подбородок мужчины, не получалось. Покраснела, едва мой взгляд скользнул на вырез черной рубашки с двумя верхними расстегнутыми пуговицами, а потом спустился ниже.

Осознав, что веду себя неприлично, быстро поднялась и сделала книксен, понимая, что передо мной хозяин Шанрассхолла.

– Доброй ночи, – вежливо поздоровалась я и представилась, не скрывая
ни цели своего приезда, ни знакомства с Альфредом Храмсом.

Мужчина какое-то время смотрел на меня, буквально пригвождая взглядом

к месту, затем спокойно

ответил:

– Ричард Шанрасс, хозяин Шанрассхолла, – и от его голоса медовой волной разбежались мурашки. – Альфред, значит...

– Да. Он сказал, что ваш друг и...

– Он – мой дед.

Что? Кажется, недоумение отразилось на моем лице.

– Который умер пять лет назад.

Ноги подкосились, я рухнула на все тот же стул. Конечно, для приличной илары недопустимо подобное поведение, но об этом думалось в последнюю очередь.

– Но... как такое может быть? И... вот же его вещи.

Я бросилась к сундукам, раскрыла их и... увидела внутри аккуратно уложенные женские платья.

Оторопело уставилась на одежду, попятилась и уткнулась спиной в

грудь хозяина замка.

– Рассказывайте, – велел он, усаживая меня на стул, а сам подошел и подбросил в огонь дрова. – Мелисса, разогрейте для илары ужин.

Экономка кинулась выполнять приказ, а я сбивчиво принялась говорить. Про знакомство с Альфредом, наш разговор, его предложение,

заклученный договор...

Последний и взял в руки Ричард. Долго вчитывался в него, потом поднес к бумаге руку, и по листу побежали маленькие молнии. Я

подскочила и уставилась на хозяина замка. Так он... маг?

Ой, мамочки! Как я могла забыть? Мне же Альфред Храмс точно говорил

об этом!

– Настоящий же? – шепотом уточнила я, понимая, что кто-то воспользовался

именем деда Ричарда Шанрасса, и кажется...

– Без сомнений. И подписывал его мой дед.

– Он же умер! – пискнула я.

Ричард вздохнул, пронзил меня взглядом, от которого и захочешь

не скроешься, даже если глаза закроешь. В душу смотрит, опалает таким

огнем, что дышать тяжело.

– Да, дед натворил дел. Порадуйте, илара Таринс, и скажите, что договор

не магический?

Жалобно посмотрела на него, и фиолетовая тьма его глаз стала почти

черной, беспросветной.

Мужчина выдохнул. Зло и как-то... беспомощно.

Я попыталась унять дрожь в руках. Потянулась к чашке, надеясь успокоиться, но Ричард отобрал ее у меня и присел на корточки.

– Тише, – попросил он, поняв ответ по моей реакции. – Боюсь, вы обречены.

– Что?

Радужки у него снова стали лавандового цвета, до безумия прекрасными. Я же сидела и дрожала.

– Объясните же мне, что все это значит! Вы говорите, ваш дед умер, но он был живым и... настоящим, когда мы виделись. На договоре его подпись!

Я действительно ничего не понимала.

– Вы слишком устали и напуганы случившимся. Я предлагаю поговорить

завтра.

Неожиданно где-то в глубине замка послышался свист, и я не просто вздрогнула, а подскочила. Прижалась к мужчине, обхватила его руками

и, кажется, прилипла намертво.

Нет, просто сошла с ума.

Или мне все снится?

Ричард каким-то удивительным образом смог подняться, подхватил меня, буквально повисшую на нем и уже всхлипывающую, на руки, и велел Мелиссе:

– Принеси ужин в мои покои. И не забудь замкнуть защиту на вашем крыле, когда покинешь кухню.

– Кто там свистел? – пролепетала я, послав к бездне все приличия и правила воспитания. Кажется, этот едва знакомый мужчина – единственный, кто сможет меня защитить от чего бы то ни было. От

него веяло невероятной силой и уверенностью, которую невозможно было не почувствовать.

– Мой дед поднял слишком много призраков, когда возвращался за грань. Не переживайте, всего на одну ночь.

Я сжала его шею так, что это грозило удушением. Пусть что хочет со мной делает, я его просто не отпущу. Ни за что. И, кажется, от него действительно

пахнет лавандой...

Мы шли какими-то коридорами. Я уткнулась в надежное плечо хозяина

замка и по чуть-чуть успокаивалась.

Просто одно дело знать о существовании магии, изредка видеть ее действие, а другое – оказаться в замке, где есть даже призраки!

Через время мы оказались в достаточно уютной и роскошной спальне. Большая кровать под темно-сиреневым балдахином, комод из темного дерева в углу и небольшой столик возле постели, на котором лежали

книги. Горящих свечей было немного,

с десятков, но они и пылающий камин освещали пространство.

Снова послышался свист, перешедший в вой, и я сжалась в руках мужчины.

Хозяин Шанрассхолла честно попытался отцепить меня от себя, но это ему не удалось. Так и сел в кресло, усадив одну неадекватную илару на свои колени. Следом вошла Мелисса, кажется, удивилась тому, что увидела, но тут же приняла невозмутимый вид. Да я на ее месте

давно посчитала бы меня невоспитанной иларой.

Но экономка молча поставила на стол поднос с едой и ушла.

– Поешьте, вам нужны силы.

– Мне бы успокоительного, – пролепетала я, придвигая поднос, но не

собираясь слезать с мужских колен.

Никогда я не вела себя столь странно и неприлично, но сейчас думать об этом не хотелось. Какое тут, когда в глубине замка воют призраки!

– Не имеется, – ответил хозяин Шанрассхолла. – Но добуду, если нужно.

– Не стоит, завтра уеду обратно, – честно ответила я, отправляя в

рот ложку жаркого.

– Договор не позволит, илара Таринс. Мне жаль...

Я уставилась на него, заметив, что взгляд Ричарда Шанрасса стал серьезным.

– Его совсем, что ли, не разорвать? – не удержалась я.

– Совсем.

Я поперхнулась, закашлялась и хлебнула из протянутого бокала, как оказалось, вина. Снова закашлялась. Никогда не пробовала подобного

напитка.

И тут же, вспомнив, о чем шла речь, уставилась на хозяина замка.

– Еще глоток, илара Таринс. И мы поговорим завтра.

Выполнила приказ илара Шанрасса, осторожно отодвинула поднос,

а потом прижалась к мужской

груди и заявила:

– Можете думать обо мне что хотите, но одна я ночевать не буду. Мне страшно. Там... они воют. И рядом с вами, кажется, безопаснее всего. Вы ведь не будете ко мне приставать и считать меня...

– ... доверчивой светлой девочкой? – тихо закончил хозяин замка.

Он поднялся, шагнул к кровати, опустил меня на нее и задернул балдахин.

– Раздевайтесь и забирайтесь под одеяло.

– Вы только... не уходите, – пролепетала я, понимая, что, кажется, от

шока говорю и делаю невероятно неприличные

вещи.

Стоило попасть в этот замок, и воспитание как-то быстро перестало иметь значение. Я словно забыла то, чему старательно училась двенадцать лет.

Но кто бы мог подумать еще неделю назад, что все сложится именно так? Я окажусь за тысячу миль от знакомых мест, где выросла, буду стаскивать платье в кровати едва знакомого мужчины и слушать вой

привидений.

Забралась под одеяло, повесила одежду на спинку, закуталась и отдернула балдахин. Ричард сидел возле огня, но на мое движение обернулся и кивнул. Сам он уже переоделся в бриджи и рубашку.

Потушил свечи, осторожно сел в кресло возле огня, накинул плед.

– А сюда призраки точно не доберутся?

– Нет, – уверенно заявил хозяин замка, и я успокоилась. – Иначе развею к бездне, – добавил он тут же, но почему-то этой угрозы я не

опасалась, как и самого хозяина. – Да и наложенная защита не позволит. На моих покоях она стоит давно. Не переживайте, илара Таринс.

– Спасибо, – пролепетала я, замечая, что мужчина устраивается поудобнее.

– Закрывайте глаза.

– Когда вы так на меня смотрите, это сделать нереально, – созналась я, понимая, что тону в его взгляде. Таким теплом, желанном... И почему-то бесконечно, безгранично доверяю этому мужчине. Как околдованная.

Усталость все же взяла свое. Я уплывала в сон. Меня уже даже не смущал вой призраков где-то в глубине мрачного замка. Рядом находился тот, кто сильнее их. И сильнее моих страхов. Он всегда защитит. Не знаю, откуда взялось это понимание, но оно успокаивало.

И вскоре я провалилась в столь желанный и необходимый для меня

сон.

Глава третья

Первым, что я увидела, едва открыв утром глаза, был балдахин кровати. Несколько мгновений приходила в себя, пытаюсь вспомнить, как здесь оказалась. И лучше бы, честное слово, забыла.

Застонала, кутаясь в одеяло и мечтая никогда отсюда не выбираться. Пресветлые небеса, стыдно-то... Да как я буду смотреть в глаза хозяину замка? А Мелиссе, которая наблюдала это безобразие? А если придется остаться и работать...

Тем не менее поднялась, оделась, пальцами расчесала волосы и собрала в прическу. Платье в пути изрядно помялось, но тут я ничего не могла поделать. Мои вещи пока не принесли. Или наоборот, уже подняли в мои комнаты, а я просто не знала об этом, находясь в покоях хозяина замка?

Впрочем, вопрос, что делать дальше, тоже не давал покоя. Вчерашние призраки изрядно меня напугали, но илар Шанрасс сказал, что они появились на одну ночь. Полагаю, его словам можно верить. Главное сейчас – выяснить, что вообще происходит.

Дверь в соседнюю комнату, которая служила гостиной, была приоткрыта, там кто-то разговаривал.

– Знаешь, дед, от тебя я такого совсем не ожидал! – послышался ледяной голос хозяина замка.

Казалось, от этой интонации – столько в ней было жуткой силы – стены вот-вот покроются инеем. Я вздрогнула и интуитивно обняла плечи, словно желала согреться.

– Ты столько лет с этим проклятием боролся, а теперь решил сдаться?

И на кого оставишь

Шанрассхолл?

Я ведь не ослышалась? Собеседником Ричарда является Альфред Храмс?

– Дед!

– Ну что дед? Я уже пару сотен лет тебе дед! Хоть иногда прислушивался

бы к моим советам!

– Ты подставил илару Таринс! Она ведь не осознавала, когда подписывала

договор, на что соглашается!

– И тем не менее пошла на это добровольно!

Послышался легкий рык, и меня буквально окатило ледяной волной магии, исходившей наверняка от Ричарда.

– Я не предлагал ничего неприличного! – возмутился Альфред.

На мгновение пространство буквально укрыла тишина, а потом Ричард

Шанрасс спросил тихо-тихо:

– Дед, что ты натворил? Неужели моя жизнь важнее свободы этой хрупкой беззащитной девушки?

– Вот и приглядишься получше к этой хрупкой беззащитной девушке, – чуть ворчливо предложил Альфред Храмс, отчего у меня мгновенно вспыхнули щеки. – Или прислать на помощь Элеонору? – деловито поинтересовался он.

– Дед! – рыкнул хозяин замка так, что я подскочила, а в комнате что-то глухо ударило об пол.

– М-да... похоже, я погорячился, когда обещал иларе Таринс безопасность!

– Это рядом со мной-то? – с едва заметной угрозой поинтересовался

Ричард.

– А ты считаешь, что не справишься? Не сможешь ее защитить? Что же тогда всю ночь глаз с нее не сводил? И не дал коснуться ни одному кошмару.

– Дед!

Казалось, от этого рыка дрожат стены замка, а я уже не могла от ужаса

сдвинуться с места.

– Не забудь подарить иларе Таринс артефакт, который не позволит расходиться волнам магии. Не хватало еще, когда в ней проснется сила, привлечь внимание стражей.

– Что же сам этого не сделал?

– Не успел!

– Иногда мне хочется тебя придушить!

– Поздно.

– Но желание не пропадает.

Мужчины замолчали. Я попыталась осмыслить услышанное, сопоставить факты, подумать, как себя вести дальше, но мысли разлетались

птицами.

– Ты хоть видел ее рисунки? – тихо спросил илар Храмс.

– А должен?

– Однозначно! Хотя самое интересное, сдается мне, илара Таринс тебе

не покажет.

Это намек на тот рисунок, где в ночи видны глаза мужчины?

Вернее, глаза Ричарда Шанрасса? Сегодня же его сожгу!

Спрашивается, почему я злюсь? Разве так пристало вести себя приличной иларе? Меня ведь учили в любой ситуации держать чувства и эмоции под контролем. Именно поэтому сейчас я выровняю дыхание, растворю дверь и буду вести себя как подобает. Уверенно, спокойно, как и полагается воспитанной иларе. Да-да, именно так! Хватит и того, что придется извиняться перед хозяином замка за свое вчерашнее

поведение.

Вдохнув поглубже, я поправила прическу, воротничок на платье и открыла дверь. Ричард Шанрасс, одетый в темный костюм, сидел на подоконнике, скрестив руки на груди. Небрежно заплетенная коса, перевитая атласной черной лентой, спускалась ниже плеч. Под ногами у него почему-то лежал непонятно откуда взявшийся в гостиной пепел.

Я сделала легкий книксен и собралась поздороваться, как между ним и мной прямо из воздуха появилась прозрачная фигура. Я так и оцепенела.

– Илара Таринс, рад видеть вас в добром здравии, – поприветствовал меня призрачный Альфред Храмс и... улыбнулся.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался Ричард Шанрасс.

От его слов я пришла в себя. Что я там говорила про поведение благовоспитанной илары? Забудем! Я подхватила первый попавшийся под руки предмет и швырнула его в призрака. Следом полетели подушка, подсвечник, книга, шкатулка...

– Обманщик! – выпалила я, только сейчас осознавая, что, кажется, попала сильнее некуда.

Подхваченная мной тарелка звякнула и разбилась о стену, пролетев сквозь привидение и не причинив ему никакого вреда.

– Шарлатан! – разозлилась, швыряя следом еще одну подушку, блокнот и кочергу.

– Илара Таринс! – завопил призрак, почему-то начиная уворачиваться.

Бряк. Бум. Хрясь.

Я уже не смотрела, что попадало в мои руки. Наконец в процессе нашего с Альфредом кружения по комнате на моем пути не осталось

никаких вещей, а я вдруг налетела на Ричарда Шанрасса. Он по-прежнему невозмутимо сидел на подоконнике и даже не пытался вмешаться в то безобразие, что творилось у него под носом.

Двойка с минусом вам за поведение, илара Таринс. За то самое, где «уверенно, спокойно и как полагается воспитанной иларе».

Запыхавшись, я стояла в шаге от Ричарда Шанрасса, понимая, что такое расстояние недопустимо между едва знакомыми людьми. Но я

стояла... Стояла и смотрела в эту проклятую сиреневую тьму его глаз, ощущая, как вся моя жизнь летит в бездну. И, кажется, летит с того момента, как на чердаке академии я нарисовала его глаза. А теперь кончики пальцев дрожат не просто от желания взяться за кисть, а коснуться его лица. Провести по резко очерченным скулам, упрямому подбородку, очертить линию губ... И ведь нужно сделать лишь шаг, чтобы воплотить эту мечту в реальность. Только шаг. Ему или мне.

Воздух между нами стал сгущаться. Не удивилась бы, если бы полетели искры, а ноги сами сделали бы последний шаг, чтобы я навсегда

утонула в сиреневой тьме...

– Мне, пожалуй, пора, внук, – заявил Альфред Храмс, и я

вздрагнула, ощущая, как мир возвращается.

Привидение растаяло в воздухе, словно его и не бывало.

Шаг назад, еще один. Виновато посмотрела на Ричарда Шанрасса, который

не сводил с меня глаз.

– Присаживайтесь, – мягко предложил он.

Я опустилась на подвернувшийся стул, потому что ноги уже не держали, чинно расправила юбку, сложила руки на коленях и выдохнула, безуспешно пытаясь вернуть самообладание.

– Простите, пожалуйста. За вчерашнее и сегодняшнее поведение, недостойное... воспитанной илары, – попросила я, не в силах поднять на хозяина замка глаза и готовая к самой ужасной отповеди.

Наставницы бы за такое... Боюсь и представить, что бы они сказали. В Иларийской академии благородных девиц запрещались телесные наказания, но ничто не мешало ударить нас словом. Оно порой в разы сильнее.

– Хоть полегчало? – весело поинтересовался хозяин замка.

Я вскинула глаза, не веря в услышанное. Тут же поправила выбившуюся

прядь и честно ответила:

– Благодарю вас. Мне стало гораздо лучше.

– Желание запустить в деда кочергу было и у меня, – сознался он.

– Илар Шанрасс...

– Можете звать меня по имени. Ричард.

Что? Он ведь не мой родственник или жених!

– Давайте опустим условности, илара Таринс. Забудьте о книксенах, обращениях и... Поверьте, ваши эмоции, какими бы они ни были, лучше, чем попытки проявить сдержанность.

А можно мне все же успокоительного?

– Ричард, простите за учиненный беспорядок. Я все уберу, и... мне очень... стыдно. И жаль, что так вышло.

Мгновение – и мужчина оказался рядом со мной, наклонился и заглянул в лицо. Сегодня его глаза казались еще прекраснее, чем вчера. Где-то внутри них плясали смешинки. И оттенок стал совсем другим. Любопытно, я хоть когда-нибудь узнаю, сколько их всего?

– Вы еще хорошо держались, Агата.

– Мне кажется, что я очень сильно... попала, – созналась я.

Так ведь оно и было. И если раньше у меня еще оставалась надежда, что все случившееся почудилось, то при виде призрака она окончательно

растаяла.

Ричард с трудом подавил вздох, оглядел разгромленную комнату, вернулся

к окну и опустился на подоконник.

– Шанрассхолл – родовой замок, Агата. Нас в семье родилось двое

– я и моя младшая сестра, Мариса. Мы вместе росли и учились, но когда ей исполнилось двадцать, она влюбилась... в бродячего музыканта. Он путешествовал по свету и случайно забрел в наш замок, попросив о еде и крове, обещая развлекать гостей на балах, которые тогда часто проходили в Шанрассхолле. Естественно, наша семья не дала согласия на брак, но Мариса... она упряма и всегда идет до конца.

– Они поженились? – не удержавшись, перебила я, не веря в эту невероятную

историю.

– Да.

– Наверное, был ужасный скандал...

– О да! Отец и матушка буквально пылали гневом, а мы с дедом поддержали Марису. Она отправилась на родину мужа вместе с ним, а через два месяца выяснилось, что под личиной музыканта скрывался наследный

принц Ридагратана.

Я охнула и вытаращила на него глаза. Тот самый невероятный

красавчик и сердцеяд, один из сильнейших магов и драконов, о котором я не раз слышала? Говорят, он долго искал свою пару, а когда нашел... пир в его королевстве длился неделю. В Ридагратане очень сильные маги, но если они женятся по расчету, дар ослабевает. Об этом нам рассказывали на уроках истории.

– По закону, став женой наследного принца, Мариса потеряла права на Шанрассхолл. А когда не стало родителей... я остался единственным наследником.

Кивнула, выслушав его объяснения и не зная, как начать разговор о его проклятии и моей работе.

Ричард тоже молчал, смотря куда-то вдаль. Глаза у него потемнели, стали почти черными.

– Вы ведь хотите спросить меня о проклятии, Агата?

Я прикусила губу и неуверенно кивнула. Да легче пройти по краю пропасти, чем выдержать этот резкий взгляд, в котором чувствуется лед.

– Пойдемте, это лучше увидеть.

Он поднялся, протянул мне руку и потянул за собой. Мы шли быстро, и я даже не успела рассмотреть замок и запомнить путь. Сама точно не найду дорогу обратно.

Наконец мы оказались снаружи.

Поздним утром замок выглядел совсем иначе, чем ночью. Он возвышался над нами нерушимой громадой, кутался в клочья седого тумана, скрывая очертания. И все равно производил непередаваемое впечатление.

Пока мы шли по саду, лишенному красок, я пыталась рассмотреть горы, которые окружали замок. Но мир тонул в тумане, не раздавалось никаких шагов, кроме наших. И тишина буквально давила, чудилось в ней нечто зловещее. А ощущение, что на свете не осталось ничего, кроме громады замка да Ричарда, не выпускавшего мою руку, проникало под кожу.

Мы остановились на каменной площадке, где росло одно-единственное дерево алерии. Судя по всему, сухое и безжизненное. То тут, то там встречались кусты. Плато заканчивалось обрывом. Наверное, в солнечный день, когда горы вокруг покроются зеленой вязью и зацветет одинокое дерево, здесь будет безумно красиво.

Мне сразу захотелось броситься в замок, вернуться с кистями и красками, сесть на ближайший камень и начать творить. Пространство

вокруг уже привычно стало расплзаться, вспыхивая новыми цветами.

Я буквально увидела, как исчезает плотный туман, будто кто-то невидимый сдирает его, словно паутину в чулане, и перед глазами открывается невероятный по красоте пейзаж.

Там, внизу, в зеленой долине, течет река, по берегам которой раскинулся город. Хаотично разбросанные домики с остроконечными крышами, покрытыми черепицей, окруженные садами. И лишь несколько башен – наверняка сторожевых, оставшихся с давних времен, – величаво стоят великанами. А горы... в них почти нет зеленого цвета, лишь насыщенно-лиловый, как глаза хозяина замка, который

стоял молча и чего-то ждал.

Я зажмурилась, прогоняя фантазию. Почему-то, когда я жила в Иларийской академии благородных девиц и мир исчезал, на мгновения превращаясь в полотно, ничего подобного не происходило. Сейчас же, даже закрыв глаза, я отчетливо видела, как цветет сиреневый вереск, укрывая собой горы. Как летит, теребя лепестки нежных небывалых цветов, колдун-ветер, срывает и бросает их в стороны...

– Агата, осторожнее, – тихо попросил Ричард, крепко взяв меня за руку.

Я открыла глаза и дернулась, осознав, что стою почти на краю пропасти. И ведь замечталась настолько, что погибла бы.

Мир вернулся, перестал казаться холстом. Туман почти целиком спрятал горы, а то, что находилось внизу, было совсем не разглядеть.

– Тут очень необычно, – заметила я.

– Вы не туда смотрите, – тихо сказал Ричард и медленно и осторожно развернул меня.

Крик так и застыл в горле, потому что туман в саду исчез, словно повиновался чьей-то воле, и переполз на горы. Перед моими глазами открылась практически безжизненная пустыня. А ведь когда-то этот сад был живым! На деревьях, которые чернели безобразными остовами, распускались цветы, в заброшенном пруду наверняка отражались кувшинки...

Вдали виднелась полуразрушенная беседка. Но больше всего леденил кровь пепел. Он засыпал ту часть сада, где мы оказались, и от

него – вот что странно – веяло холодом.

– Это сделал я, Агата.

Я вздрогнула, оглянулась и посмотрела в глаза Ричарду Шанрассу.

Но какие бы чувства ни прятались за этими словами, он их не выдал.

– Теперь все, на что способен мой... способна моя магия, – это превратить

живое в пепел.

Тишина неожиданно оглушила нас, туман медленно пополз с гор и укрыл безжизненный сад. Ричард ничего больше не говорил про проклятие, а я не решилась спросить. Мы и знакомы-то всего ничего... Чужие совсем. У каждого из нас свои тайны.

Он не обещал безопасность, как его дед. Не говорил, что не причинит боли. Лишь, стоя на краю пропасти, показывал засыпанный пеплом сад.

И остался со мной в ночи, когда в замке были призраки.

Что мне делать с этим мужчиной? Только рисовать для него. Рисовать так, чтобы горечь и бессилие, прятавшиеся в его глазах, теряли над ним власть.

– Я показал вам это, чтобы предостеречь от излишнего любопытства, – спокойно заметил Ричард Шанрасс. – Нам с вами предстоит долго жить вместе в замке.

– Я помню. В условиях договора сказано: пока не зацветет лиловый вереск, – отозвалась я. – И разорвать соглашение не получится.

– Иначе, думаю, вы бы бежали отсюда без оглядки, – закончил хозяин замка. – Только вчера вы, боюсь, совсем меня не услышали. Вы не сможете покинуть земли моего рода, Агата. Не сможете именно из-за

этого прописанного условия про цветение сиреневого вереска.

Он сжал ладонь, в ней за клубилась тьма.

– До проклятия родовая магия, что бежит в крови, питала эти земли. И да, сиреневый вереск, или, как его называет народ, маральник, цвел по всем склонам. И целебные настойки из лепестков лилового вереска славились на всю империю.

Ричард с большим усилием уничтожил сгусток тьмы в ладонях, буквально впитал его в себя.

– Вы хотите сказать, что маральник не зацветет?

– Да, Агата. По крайней мере, пока я не избавлюсь от проклятия.

– И как же его снять? – не утерпела я, все еще с трудом осознавая, что

именно услышала.

Он усмехнулся, но как-то зло и холодно. Черты лица сразу заострились, взгляд стал иным, налился сиреневой тьмой.

– Никак. Неужели вы думаете, что останься у меня хоть малая надежда, я бы ей не воспользовался? Поверьте, уже опробованы все возможные способы и средства, но проклятие не исчезнет. Я не желаю, чтобы вы расспрашивали о нем меня или кого-то из моих людей. И не дайте небеса попытаться помочь его снять!

– Но...

– Я. Не. Желаю, – отрезал Ричард так, что в его глазах вдруг вспыхнуло пламя, а под нашими ногами взметнулся пепел от невиданного ветра.

Мне ведь должно быть страшно. Должно. Но как бояться того, кто защищал от призраков? И судя по подслушанному утром разговору, не сводил с меня глаз всю ночь?

Наверное, я ненормальная. Страх, может, и был, таился где-то глубоко внутри, но бежать не хотелось. Хотелось освободить Ричарда от зла.

– Я понимаю, мой дед не имел никакого права решать вашу судьбу, отправлять к проклятому... магу, тем самым лишив выбора и возможности покинуть мои земли, – словно ничего до этого и не случилось, сказал хозяин Шанрассхолла.

– По сути, он забрал у меня то, чего я никогда не имела, илар Шанрасс. Свободу.

– Ричард, – поправил он. – Злитесь на него за этот обман? Если что, призову и можете снова покидать в деда, чем желаете.

Сдается, от подобного предложения у меня покраснели не только щеки, но даже кончики ушей.

Ричард усмехнулся, но я сдержалась и в этот раз повела себя как достойная воспитанная илара – промолчала. Придется найти силы и смириться

со случившимся, хотя это будет не так уж и просто.

– Вы можете выбрать в замке любые понравившиеся вам покои. Если понадобится одежда, какие-то вещи... стоит просто сказать об этом Мелиссе.

– Да ваш... дед постарался, – вздохнула я, вспомнив неразобранные сундуки.

– Это верно. Кисть, краски, бумага? Что-то из этого нужно? – деловито поинтересовался Ричард, поглядывая на меня.

– Да! – загорелась я энтузиазмом.

– Тогда жду список, Агата.

Я чуть помялась, но все же спросила:

– У вас будут пожелания? Что именно вы хотите видеть на рисунках?

Ричард неопределенно пожал плечами, давая понять, что оставляет

выбор за мной.

– Вы не покажете мне свои работы, Агата? Чем-то же они так зацепили

моего деда, что он даже провернул авантюру с воплощением.

Вопрос, как ему это удалось, так и замер в воздухе.

– Он был весьма талантливым артефактором, – пояснил Ричард. – Создавал удивительные вещи, наделяя их самыми разными магическими свойствами. Перед смертью работал над амулетом, который позволит ему раз в сотню лет на месяц становиться почти человеком...

– Так не хочет уходить за грань?

– У него есть одно незавершенное дело, Агата. Внук под проклятием, – вздохнул Ричард. – Да и судьба Шанрассхолла волнует старика не меньше. Вот и решил помочь.

Мы немного помолчали, каждый думая о своем.

– А почему у вас разные фамилии? – не удержалась я.

– У каждого артефактора есть клеймо мастера. У деда вот – Храмс.

Ричарда совсем не смутил мой вопрос, кажется, он даже рад был отвлечься от своих невеселых мыслей.

Я вспомнила, что говорил Альфред Храмс о причинах, по которым ему была нужна именно художница, и немного задумалась. Однозначно, когда успокоюсь и все обдумаю, позову его и подробнее расспрошу про проклятие. Если он так любит своего внука, то должен согласиться помочь.

– Так что там с рисунками, Агата?

Я очнулась, понимая, что моя задумчивость выглядела не особо вежливо по отношению к хозяину замка. Впрочем, Ричард терпеливо ждал ответа.

– Покажу, – решила я, но подумала, что тот, один-единственный, который

ему видеть не нужно, обязательно спрячу.

Ричард кивнул, предложил позавтракать вместе и пообещал потом показать замок. Я не стала отказываться. Конечно, если он думает, что я не буду искать способ снять проклятие, то сильно заблуждается. Во-первых, никто не заслужил подобной участи. Во-вторых, остаться в Шанрассхолле навсегда никак не входило в мои планы. В моей жизни случались неприятности, но я всегда находила выход из ситуации. Найду и из этой. Просто сейчас я растеряна и не знаю, что делать. Мне необходимо время.

Пока я обдумывала это, мы успели пройти через сад. Я глянула на каменные стены замка и на мгновение – лишь на одно мгновение! – мне почудилось, что вместо колючего кустарника там пламенеют амарантовые розы. Ветер играет с лепестками, и сад засыпан ими, а не пеплом.

Моргнула... и увидела только шипы.

Почему же это место видится мне совсем в других красках? Интересно, это так сильны оказались мои впечатления, что хочется постоянно взяться за кисть, или... во мне начинает просыпаться магия?

Но подумать об этом не удалось: едва войдя, мы столкнулись с Мелиссой. Экономка явно поджидала хозяина замка. Коротко поклонилась и сообщила, что поздний завтрак готов, стол накрыт в столовой.

Омлет с зеленью, блинчики с малиновым джемом, поджаренный до румяной корочки бекон, несколько видов травяного чая... Экономка расстаралась на славу и попросила меня по возможности заглянуть в кухню, чтобы сообщить о своих предпочтениях в еде. Видимо, Ричард успел

сообщить ей, что я останусь в замке надолго.

В просторной столовой, отделанной в бежево-золотистых тонах, было тепло и уютно, хотя за окнами клубился туман. От камина шел жар, несмотря на наступивший день, комнату освещали свечи, разгоняя сумрак. Я порадовалась, что экономка не поставила их на стол, понимая, что тогда неловкости было бы не избежать.

Мы завтракали неспешно, временами отвлекаясь на разговор, а когда Мелисса отправилась за чаем и шоколадным пирогом, в комнату

вошла горничная. Рыжеволосая улыбчивая девушка с россыпью веснушек

на щеках присела в книксене, и

Ричард представил ее мне.

Аманда предложила проводить меня до приготовленных покоев, чтобы я взяла папку с рисунками. По пути она болтала без умолку. Сообщила, что я могу сменить покои, если пожелаю, а также сказала обращаться

к ней, если понадобится помощь с прической.

Искренне поблагодарив, я открыла дверь.

Покои мне понравились с первого взгляда. Уютная спальня с кроватью под серебристым балдахином, расшитым невиданными птицами. Рядом примостился комод и небольшой ажурный столик. Камин оказался аккуратным и надежным, в нем потрескивали поленья. Алые шторы и пушистый ковер на оттенок темнее делали спальню красивой и роскошной.

Я поправила в зеркале прическу, заглянула в шкаф, где Аманда успела развесить платья, и нашла свой скромный саквояж, из которого и вытащила папку с рисунками.

Быстро отыскала тот, что не хотела показывать, спрятала в дальнем углу шкафа. Сильно сомневаюсь, что Ричард полезет туда. Представляя хозяина замка за подобным занятием и с трудом удерживаясь от смеха, вышла в гостиную.

Мягкие диванчики и пока пустые аккуратные полки на стенах мне понравились с первого взгляда. Я так и представляла, что на них можно поставить. Но сейчас, прижимая к груди папку, направилась вниз, не желая заставлять хозяина замка ждать.

Глава четвертая

Папку с рисунками Ричард взял бережно. Открыл и принялся рассматривать листы один за другим. Я видела, как меняется выражение его глаз, как смягчаются черты лица, даже напряженная морщинка на переносице разглаживается. В основном я рисовала виды Иларийской академии благородных девиц, портреты подруг, зацепивший мое воображение какой-то предмет, но часть работ была совсем иной. На них я позволяла воображению расправлять крылья. Иначе откуда на лужайке посреди летнего леса появился единорог, гордо ступающий на траву, усыпанную лиловыми колокольчиками? Солнечные

лучи, проникающие через ветки, серебрили его витой рог, и картина буквально дышала теплом и светом.

– Вы верите, что они существовали? – спросил Ричард, и я, чуть помявшись, кивнула.

– А вы?

Он усмехнулся, но так и не ответил на мой вопрос. Гадая, просто ли хозяин замка не хочет сознаваться в очевидном или за этим кроется что-то

еще, я вместе с ним смотрела на свои работы.

– Они очень красивы, Агата. Удивительно, что магия в вас до сих пор не проснулась, – заметил хозяин замка, задумчиво смотря вдаль и все

еще держа последний рисунок из папки.

Отложил бережно, поднялся и протянул руку.

– Пойдемте, я покажу вам Шанрассхолл.

Вскоре выяснилось, что Ричард – превосходный рассказчик. Я слушала его рассказы о замке, который насчитывал более восьмисот лет, и понимала, что он искренне любит это место, невольно ставшее его тюрьмой.

Для начала, как ни странно, мы забрались на верх одной из башен. Туман скрывал окрестности, но спрятать величие этого места было невозможно.

– Как вы, конечно, знаете, замок – это оборонительное сооружение. Шанрассхолл стоит практически на границе, поэтому в прошлом ему пришлось выдержать немало осад, – пояснил Ричард, пока

я рассматривала мощные каменные стены.

Чуть ниже располагался большой балкон. Прикидывая, для чего он мог пригодиться в прошлом, слушала Ричарда, временами уточняя интересовавшие детали. Хотя на вопрос о балконе он так и не ответил, уведя

тему в сторону.

Илар рассказывал увлеченно, даже разрешил заглянуть в родовые книги, если у меня возникнет желание, а едва я стала мерзнуть на открытой башне, повел вниз. Замок построили три брата – Элиас, Теодор и Литаршан Шанрасс, и у каждого из них был свой герб: алый, золотой и лиловый драконы, что меня немного озадачило. С драконами у нас лет триста велась война. Они не селились на территории империи, хотя торговые и дипломатические отношения с ними, конечно, поддерживались.

– Послушайте, но как они втроем уживались? – не удержалась я, рассматривая покои, в которые мы заглянули.

– Непросто, полагаю, – едва заметно улыбнулся хозяин замка. – Каждое семейство со своей свитой проживало в отведенных апартаментах, а магические договоры строго разграничивали их права.

– Теперь понятно, почему замок разделен на три крыла, – заметила я.

– Агата, вы можете беспрепятственно перемещаться по всему зданию. Я дал допуск, магическая защита вас пропустит, – отозвался Ричард, приоткрывая дверь, чтобы я могла выйти в коридор.

В укромных нишах располагались статуи, а порой показывались маленькие узкие окошки. Я выглядывала почти в каждое, но туман надежно скрывал окружающее пространство. В какой-то момент даже стало казаться, что другого мира и вовсе не существует. Лишь мрачноватый

замок, туман да лес, прятанный в дымке.

На втором этаже располагались только личные апартаменты владельцев, где теперь жила и я. Большой зал для приемов находился внизу.

Мощные каменные стены, задрапированные полотнами, роскошное кресло, больше напоминающее трон, несколько искусно выкованных люстр под потолком, в которых раньше наверняка зажигались свечи, будили мое воображение. Кончики пальцев покалывало, так хотелось взяться за кисть и остаться здесь. Сдается, скоро

я вернусь сюда. И не раз.

Впрочем, остальные интерьеры замка поражали не меньше. Резные деревянные потолки, расписанные фресками стены, идеальный порядок везде, куда ни заглянешь. Каждая комната, от самой миниатюрной до огромной, роскошна и уютна.

Я совсем не ожидала найти подобное в таком нелюдимом на вид замке.

Внизу же обнаружили кладовые, кухня, оружейная, которая поразила размахом и количеством самого разного оружия, сокровищница и просторный рыцарский зал с гобеленами и геральдическими изображениями. Я так и замерла на пороге, впечатленная его размерами и украшением. Высокие стрельчатые окна были прикрыты алыми портьерами, искусно расшиты золотыми и серебряными узорами, на потолке парили три дракона. Мне снова захотелось сесть и прямо сейчас нарисовать их. От нетерпения я даже прикусила

губу.

– А библиотека имеется? – вспомнила я.

– Конечно. В восточной башне. Там же располагается мой кабинет. И если пожелаете, можете занять второе свободное помещение для работы.

– Предлагаете сделать мастерскую? – удивилась я.

– Почему нет?

– А если кто-то зайдет и увидит?

– У меня с некоторых пор весьма редки гости, – спокойно отозвался Ричард. – А слуги знают, кто вы, с ними заключен магический

договор о неразглашении.

Я кивнула. Раз уж у меня появилась возможность воплотить в жизнь то, о чем я и мечтать не смела, зачем отказываться?

– А что находится в соседней башне? – уточнила я, уже зная, что из восьми имеющихся пять заняты жилыми помещениями, шестая отдана под алхимическую лабораторию, а на вопрос, что в седьмой, ответ я уже получила.

– Оранжерея, – тихо ответил владелец замка. – Вернее, была когда-то.

От легкого намека на проклятие Ричарда радостное предвкушение растаяло, словно и не бывало. И я уже по-другому ощущала себя в этом роскошном величественном замке.

Неловкость прервала Мелисса, сообщившая, что обед готов.

В столовой собрались все, кто проживал в замке, и Ричард представил мне прислугу. Помимо экономки Мелиссы, ее мужа Георга, который заведовал лошадьми, и моей горничной Аманды, в замке жили кухарка Тиана и садовник Арчи. Им было лет по тридцать, не больше.

Их глаза сверкали любопытством.

Я приветливо всем улыбнулась, чувствуя себя несколько неловко. По сути, по статусу я не так уж сильно отличалась от этих людей. Мой род давно обеднел, а титул был совсем скромным. Не утерпела и сказала

об этом Ричарду, намекнув, что могу поесть и на кухне.

– Агата, – мягко ответил он, – не лишайте меня своего общества. Я понимаю, что договор сковал вас, но что мешает, помимо прочего, быть

моей гостьей?

Кажется, я чего-то не понимаю. Не принял же он совет деда всерьез?

Впрочем, после обеда Ричард со мной распрощался. Ему требовалось разобраться с делами, а я поднялась в свои покои и наконец-то достала кисть с красками. И как-то незаметно оказалась в

рыцарском

зале.

Рыцари в нашей империи исчезли лет пятьсот назад, когда поменялось устройство власти. Стоя в зале, стены которого были украшены гобеленами, а на потолке расправили крылья три дракона, я ощущала,

что чуть ли не переносусь в те времена.

Кисть скользила по листу легко и свободно, а воображение рисовало, каким стал бы этот зал, если бы в нем зажгли свечи.

– Тени падают немного иначе, – вдруг раздался тихий голос Ричарда.

Я вздрогнула и подняла на него глаза.

За окнами давно стемнело, лил дождь, но я, привыкнув рисовать в полутьме чердака, этого даже не заметила. Как не услышала и шагов хозяина замка.

Ричард в черных штанах и белоснежной рубашке с изящными кружевными манжетами стоял совсем рядом и смотрел на мой рисунок.

– Эм...

– Смотрите, – сказал он и сделал изящный пасс руками, отчего во всем

зале моментально вспыхнули свечи.

Блики заиграли по стенам, убрали тени, раскрасили удивительный зал в невероятные оттенки. Я снова схватилась за лист, забыв обо всем на свете. Впитывала, проникала в этот свет, даже не сразу осознав, что Ричард

использует магию.

Кажется, заглядывала Мелисса, что-то говорила про ужин, но я не слышала слов. Мир распадался на краски, делился на оттенки, и, едва закончив второй рисунок, я взялась за третий, потому что в мерцании свечей видела, как сияют драконы на потолке и как там, в центре зала, под гул толпы бьются двое...

Кто-то неожиданно выхватил лист из рук, и мир стал возвращаться. Я вздрогнула и подскочила, осознав, что рисую кистью прямо в воздухе и с нее на платье капает краска. Ричард держал непросохший рисунок.

Наши взгляды встретились. Безжалостная сиреневая тьма заполонила радужку его глаз и пригвоздила меня к месту. Создалось ощущение,

что сейчас он просто превратит

мой рисунок в пепел.

Вдох. Выдох.

– Что не так? – поинтересовалась я.

– В вас почти проснулась магия, Агата, – тихо ответил он. – Еще бы

мгновение, и вы... Я не успел отдать вам амулет деда.

Простите.

Щелчок пальцев – и на ладони Ричарда лежит кулон-капля. Самоцвет был совсем прозрачным, но стоило взять его, как внутри вспыхнули

разноцветные искры.

– Носите не снимая, Агата.

Я оторопело кивнула, надела амулет, как и предложил Ричард, и осторожно забрала из его рук рисунок. Волшебство, взявшее меня в плен, стремительно исчезло. Казалось, даже свечи стали мерцать иначе, а зал превратился в самый обычный.

Ричард покосился на листы с рисунками, которые так и лежали на широком подоконнике. Рядом почему-то стояла корзинка с едой, и я глупо моргнула, не понимая, откуда она взялась.

– Мелисса принесла. Вы были так увлечены, что не заметили ее прихода. Она переживала, что иначе мы останемся голодными.

Это его «мы» прозвучало странно. Но намек, что Ричард не ужинал, я уловила.

– Как насчет того, чтобы воспользоваться в качестве стола подоконником?

– поинтересовался он.

Я не ослышалась? Он предложил именно это? Кивнула, убирая кисти и краски, аккуратно складывая в папку рисунки. Интересно, как должна вести себя в подобной ситуации илара? Почему-то этикет того, как отужинать с аристократом на подоконнике в рыцарском зале его замка, в моей академии не преподавали. А уж когда Ричард сам накрыл своеобразный стол и уселся на подоконник, приглашая меня, я совсем растерялась. Впрочем, отказываться не стала. Да и проголодалась я, как выяснилось, изрядно.

– Возможно, я уеду на несколько дней, – сказал илар Шанрасс, когда мы поужинали и направились к выходу. – Если что-то понадобится,

обращайтесь к Мелиссе.

Я кивнула и распрощалась с ним у лестницы. Пока поднималась, чувствовала спиной его задумчивый взгляд, а дойдя до своих покоев,

вдруг поняла, что не видела в замке ни одной картины. Что бы это значило? Сдается, сколько бы я ни жила в Шанрассхолле, до конца не разгадаю всех его тайн.

* * *

С момента, как я оказалась в замке, прошла неделя. Все это время лил дождь, и выйти на прогулку по окрестностям я так и не смогла. Ричард Шанрасс не возвращался, а на мои вопросы, когда его ждать, Мелисса и Аманда пожимали плечами. Хозяин замка изредка уезжал по делам, но по большей части жил отшельником. От разговора о проклятии, с какой бы стороны я к нему ни подходила, слуги уклонялись. Видимо, Ричард запретил им рассказывать подробности.

На третий день я попробовала позвать Альфреда Храмса – уж он-то точно желает, чтобы внук освободился от злых чар! – но, увы, призрак по каким-то причинам не откликнулся. Хотелось надеяться, что

он не сильно обиделся на то, что я кидала в него вазы и кочергу...

В свободное время – а вставала я по привычке рано – успела полностью изучить замок. Ричард дал разрешение осматривать любые помещения и покои, и я наслаждалась прогулками, сожалея, что из-за разыгравшейся в последний весенний месяц непогоды не смогу погулять. И да, рисовала. Впервые делала это не таясь, всюду нося с собой карандаши, а порой и краски с кистями.

К концу недели добралась до библиотеки. Она занимала почти всю башню, а книги содержались в отменном порядке. В кабинет Ричарда, конечно, не заглядывала. А в просторную комнату, расположенную наверху башни, отнесла часть своих вещей. Тут было огромное, во всю стену, панорамное окно, открывавшее великолепный обзор на окрестности. Наверное, когда закончатся дожди и солнечные лучи раскрасят скрывающийся от меня пейзаж в новые оттенки, теплые

и безумно манящие, рисовать здесь будет одно удовольствие.

Наконец непогода исчезла и, несмотря на густой туман, после поданного Мелиссой вкусного завтрака я решила прогуляться.

– Вблизи Шанрассхолла же есть какой-то городок? – поинтересовалась я, зная, что там закупают продукты и все необходимое для хозяйства замка.

– Да, Агата. Шаариса достаточно уютная, а люди в ней приветливы. Как новое лицо, вы наверняка привлечете внимание, – улыбнулась экономка.

– Да что уж там! Все только о вас, Агата, и спрашивают, – рассмеялась Тиана, занятая тестом для яблочного пирога. – Арчи

сказал, многие желают с вами познакомиться.

Я немного растерялась, посмотрела на Мелиссу и Тиану.

– Здесь все иначе, Агата, – пояснила экономка, – чем в той же столице. Люди поколениями живут в этих местах. Если к вам подойдут и просто представятся, не удивляйтесь подобному.

Выслушав еще ряд наставлений и советов, куда лучше заглянуть, я

покинула замок.

До Шаарисы был почти час ходу. От земли тянуло влагой и сыростью, ноги по щиколотку тонули в густом тумане. Свернув на дорогу, к моей радости, вымощенную камнем, я направилась прямо к черневшему лесу. Кое-где на деревьях проклюнулись почки, на проталинах уже зеленела трава. Здесь весна приходит в разы позднее, и я порадовалась, что захватила теплый плащ и надела удобные ботинки. Шляпка была новой, из тех вещей, что подарил илар Храмс. Как я ни пыталась отказаться, Ричард не стал их забирать.

Ярко-бирюзовые ленты на темно-синей ткани смотрелись необычно. И я вдруг осознала, что, столько лет прожив в закрытом учебном заведении для девиц, никогда не задумывалась над тем, какие вещи и цвета мне нравятся.

Лес из-за тумана казался призрачным, но временами до меня доносился

птичий щебет, и это примиряло с

окружающим пейзажем.

Дорога вела по холму, затем стала спускаться, и я рассмотрела вдали городок. Наверное, именно его я и видела, когда впервые ехала в замок. Тогда он тонул в пелене дождя, огни казались совсем размытыми

и далекими.

Забыв, что решила прогуляться, я прибавила шаг.

По улицам носилась малышня, залиvisto смеясь и запуская первых воздушных змеев. Выметенные каменные мостовые сияли, словно начищенные. Красные черепичные крыши блестели от ночного дождя, еще не успев как следует просохнуть. То тут, то там я

натыкалась на узорчатые флюгеры с изображениями драконов. Они придавали Шаарисе атмосферу сказочности и изящества. Впрочем, драконы – существа сильные. Не удивительно, что местные верят, будто их изображение защитит от бед.

Из ближайшей кондитерской лавочки, на витрине которой горкой громоздились пирожные и сладкие булочки, пахло горячим шоколадом и корицей.

На пороге появилась женщина, одетая в полосатое платье с повязанным передником. Ярко-рыжие кудрявые прядки выбивались из явно наспех собранной прически, пронзительные голубые глаза сияли.

– Добрый день, илара...

– Агата Таринс, – представилась я.

– А я Лаара Тар, – улыбнулась в ответ она. – Хозяйка «Сладкой булочки». Не хотите заглянуть и выпить чашечку моего фирменного горячего шоколада? Погода стоит эти дни просто отвратительная.

– С удовольствием, – отозвалась я.

В конце концов, где еще я узнаю новости?

Внутри оказалось тепло и уютно. Медового цвета занавески на окнах, аккуратные круглые столики с изящными стульями и высокими спинками. На витрину и полупустые полки двое рабочих и бойкая девица с подвязанными косынкой волосами выносили товар.

Лаара не поленилась принести поднос с горячим шоколадом и сладкими булочками с изюмом. Разговор потек неспешно. Я, как могла, избегала темы, связанной со своей работой, но понимала, что если буду и дальше уходить от ответов, то по городу пойдут

нехорошие слухи. Пришлось сказать, что работаю у илара Шанрасса секретарем. Кажется, любопытную Лаару этот ответ устроил.

Кондитерская тем временем наполнялась людьми. Многие подходили со мной познакомиться, и вскоре я перестала пытаться запомнить их имена. Вежливо улыбалась, присматривалась и ловила себя на мысли, что хочу сбежать и сесть где-то в уголке, чтобы порисовать. Столько интересных лиц, эмоций...

Когда народу стало совсем много и хозяйка кондитерской поднялась, чтобы вернуться к работе, я искренне поблагодарила ее и попыталась расплатиться. Та не позволила, сказав, что это угощение. Возражения на этот счет не принимались. Пока я думала, как поступить, Лаара уже исчезла, и лишь ее звонкий голос раздавался где-то

в глубине зала.

Я накинула плащ, аккуратно пристроила шляпку. И уже завязывала ленты, когда почувствовала незнакомый взгляд. Чуть повернулась и встретилась взглядом с мужчиной. Короткие светлые волосы виднелись из-под черной шляпы. Фигуру, закутанную в меховой плащ, разглядеть толком не удавалось. Черты лица приятные, по-мужски правильные. Глаза – ярко-голубые, со сверкающей искоркой внутри.

Он слегка приподнял шляпу, приветствуя меня издали, но единственный из всех присутствующих не подошел. Я кивнула в ответ

и направилась к выходу. У дверей мы едва не столкнулись. Мужчина приоткрыл ее, пропуская меня, и я поглубже вдохнула свежий воздух. Набежал легкий ветерок, слегка растрепал волосы, но я почему-то улыбнулась. Дышалось свободно и полной грудью!

– Немного устали, верно? Народ в Шаарисе всегда любопытен, – раздался голос незнакомца, который оказался рядом. – Позвольте представиться?

Я обернулась и, чуть склонив голову, посмотрела на него.

– Илар Арнар Дантрэ. Мое поместье находится неподалеку от города. Возможно, вы слышали о нем. Летом в нем расцветают весьма редкого сорта розы, и название поместья с ними связано – «Утренний свет», – улыбнулся он.

При упоминании о розах мне почему-то вспомнилось, как при нашей первой прогулке с Ричардом по саду эти цветы в моем странном

оплетали стены замка.

– Не слышала, – отозвалась я в ответ. – Думаю, они действительно красивы. Одно название говорит об этом. Простите, я хотела бы прогуляться

до парка и вернуться в замок.

– Вы Агата Таринс? – поинтересовался мужчина, и я запоздало поняла,

что так и не представилась ему.

– Да.

– Может быть, позвольте составить вам компанию?

Арнар Дантрэ был безукоризненно вежлив, вызывал легкую симпатию, поэтому причин для отказа я не видела. Да и дороги к городскому парку я не знала, не успела при прощании расспросить Лаару.

– С удовольствием, – отозвалась я.

Мы шли на небольшом расстоянии друг от друга, ведя беседу ни о чем, обсуждая погоду и красоту города, но на нас все равно оглядывались. В столице ни одна илара не допустила бы подобного поведения. Если девушке и позволительно отправиться на прогулку с едва знакомым мужчиной, то только в сопровождении компаньонки или родственника. Преподавательниц из Иларийской академии благородных девиц наверняка бы удар хватил, увидь они меня сейчас.

Но как быть, если ты попадаешь в маленький городок и правила здесь другие? Да и есть ли что-то предосудительное в подобной прогулке, когда ты у всех на виду?

Я вела себя вежливо, не переходя за рамки, любовалась городком, в который попала, и старательно запоминала дорогу. В какой-то момент замечталась и буквально налетела на незнакомого мужчину лет тридцати. Короткие рыжие волосы спутал ветер, и никакая шляпа не смогла этого скрыть. В его голубых глазах плясали смешинки, когда я извинялась. Сдается, и он наслышан обо мне. Похоже, от внимания жителей Шаарисы мне не избавиться.

Показалось странным, что незнакомец слегка настороженно посмотрел в сторону илара Дантрэ, будто собираясь меня о чем-то предупредить,

но тут же передумал.

Выкинув из головы все мысли, я отправилась с иларом Дантрэ дальше. До городского парка мы добрались через полчаса и остановились на мосту возле небольшого пруда, чтобы покормить уток.

– У вас есть какие-то увлечения, илара Таринс? Может, вы любите читать

или вышивать? – поинтересовался илар

Дантрэ.

Обернувшись, я поняла, что расстояние между нами сократилось до неприличного. И вроде получилось это случайно, увлеклись, кормя уток, но ситуация щекотливая. Я попыталась шагнуть назад, но спина уперлась

в перила моста.

– Какая неожиданная встреча! – раздался холодный голос Ричарда, и я невольно вздрогнула, слишком внезапно он здесь появился.

Арнар развернулся, и я тут же отошла чуть дальше.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась я. Ричард сверкнул глазами, но не ответил.

– И я рад тебя видеть, Ричард, – приветливо улыбаясь, отозвался Арнар.

– Жаль, не могу ответить взаимностью. Илара Таринс, нам пора. Что?

– Я бы хотела заглянуть еще в пару мест, после чего сама доберусь

до замка.

– Если что, я вас провожу, – пообещал илар Дантрэ.

Мне показалось, в воздухе запахло озоном и вот-вот произойдет что-то

страшное.

– Илара... Агата, настоятельно рекомендую вам отправиться со мной
в замок прямо сейчас.

Намек на то, что что-то случилось?

Впрочем, моего ответа Ричард ждать не стал. Совсем невежливо подхватил
под руку и потащил за собой.

– Что вы себе позволяете? – шепотом возмутилась я, старательно улыбаясь всем, кто попадался нам на пути. – Чем вам не угодил илар Дантрэ?

Ричард сжал мою руку еще сильнее, уверенно подсадил в карету и захлопнул дверцу. Нет, он издевается? Я негодовала весь путь до замка, который мы преодолели за полчаса. Даже не знаю, стоило ли жалеть, что Ричард поехал вместе с кучером, дав мне возможность немного остыть.

Едва дверца открылась, он буквально выдернул меня, опуская на землю, и опять-таки не очень вежливо потащил в замок. Нырнув в

ближайшую гостиную, крепко запер дверь, наложил на нее какое-то мудреное заклинание и, скрестив руки на груди, повернулся ко мне.

Едва сдерживая гнев, я уставилась на него.

– Илар Шанрасс, не желаете объяснить мне свое поведение?

– Нет, Агата. Это я должен спросить: как расценивать ваше? Дела задержали меня дольше, чем я рассчитывал, но стоило вернуться, как каждый встречный в Шаарисе не преминул сообщить, что вы отправились
на прогулку с Арнаром

Дантрэ!

– И что дальше?

– Вы покинули замок...

– А должна была сидеть в нем затворницей? Я что, пленница? – старательно сдерживая злость и напоминая себе про манеры воспитанной илары, поинтересовалась я.

– Это небезопасно!

– Что именно небезопасного в прогулке посреди дня на глазах у всех?

– Агата, неужели в вас нет благоразумия? Или вы столь доверчивы?

Вы же едва знакомы с Арнаром

Дантрэ!

– Это мое дело!

– Я за вас отвечаю! – возмутился он и шагнул ко мне.

– Ваше поведение недопустимо, илар Шанрасс!

Рык при подобном обращении мне почудился. Однозначно.

– Не смейте общаться с этим... – сдается, Ричарду очень хотелось произнести ругательство, но он сумел сдержаться, – с Арнаром Дантрэ. Запрещаю!

– Что? Да как вы смеете! Пусть вы и мой работодатель, но запрещать мне без логичных причин...

Ричард стремительно сократил расстояние между нами, и я оказалась слишком близко к нему. Мои руки, сжатые в кулаки, в порыве бессильного гнева легли ему на плечи, а его вдруг прижали меня к нему, но как-то странно бережно, что совсем не соответствовало ситуации. И мир рассыпался на осколки от лавандового пламени, что билось в его глазах.

Мгновение – и его губы обожгли мои. Реальность потеряла смысл. Огонь сразу же проник в горло, заструился по венам, заставил колени подгибаться от этого первого, едва уловимого прикосновения. Я даже не успела понять, что происходит, как касание превратилось в

поцелуй. Горячий настолько, что вспыхнула я вся, и нежный, словно лунный мотылек задел крыльями кожу. Не оторваться, не остановиться, лишь поддаться навстречу, ощущая мягкость мужских губ, сбившееся дыхание, сумасшедший ритм сердца под моей рукой.

– Доверчивая моя девочка... Светлая моя...

В голосе Ричарда слышалась такая запредельная ласка, что я зажмурилась, все еще не веря в произошедшее. Распахнула глаза, тяжело дыша. Только сирень его глаз и осталась. Завораживающая, невыносимо острая, горькая...

Шаг назад, еще один. Его руки соскользнули с моей талии, и я

неожиданно почувствовала пустоту.

– Простите, Агата. Если хотите, можете дать пощечину, я вполне это

заслужил, – голос Ричарда звучал глухо.

Интересно, он за поцелуй извиняется или за свое поведение?

– Агата... – Он шагнул ко мне, наклонился до неприличия близко, сводя на нет все попытки попросить прощения. – Я переживал за вас. Очень. Да, темная бездна, я безумно скучал по вас, – выдохнул он, взглядом пригвождая меня к месту, заставляя забыть как дышать. – А вы

по мне?

Он издевается?

– Ни капельки, – мстительно сообщила я.

И никогда не узнает, как я день за днем рисовала его лицо, словно меня кто-то проклял. Рисовала и сжигала бумагу в камине, не понимая происходящего,

боясь того, что почувствовала.

Не веря в это.

Нет, я решительно сошла с ума.

– Совсем? – уточнил он.

– Совсем, – уверенно заявила я.

Вспомнила его поцелуй, и запоздалое смущение накрыло волной.

Что же я натворила? Почему позволила ему перейти эту

непозволительную

грань?

– Значит, все же Арнар...

– Да что вы к нему прицепились! Наше общение с ним – не ваше дело!

– Агата! – рыкнул он. – Запрещаю! Слышите?

– Как же мне безумно хочется на вас что-нибудь... уронить, илар Шанрасс! Будьте любезны, снимите магию. Ни одно правило приличия не позволяет воспитанной иларе заператься с мужчиной.

Щелчок – и дверь спокойно открылась.

С трудом взяв эмоции под контроль, я быстрым шагом направилась

наверх. Стоило оказаться в своей

комнате, скинула плащ и развязала шляпку.

Через четверть часа в дверь постучались.

– Илар Шанрасс просил передать, что ждет вас к обеду. А с завтрашнего дня я или Аманда будем сопровождать вас в прогулках

за

пределы замка, – сообщила Мелисса.

Она вышла не прощаясь, а я пнула ни в чем не повинную ножку
кровати

и подумала, что из этого замка

надо бежать без оглядки.

Вот сейчас поем и досконально продумаю план побега. И никакой
договор меня не удержит. А вы, илар Шанрасс, со всеми своими
запретами,

живите как знаете.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора:

<https://www.litres.ru/olga-sergeevna-sherstobitova/dogovor-s-drakonom-ne-predlagat/>